

★ ★ ★ ДАНИЛ ★ ★ ★

КОРЕЦКИИ

..... УСМЕШКА
ЛЮЦИФЕРА

Перстень Иуды

Данил Корецкий
Усмешка Люцифера

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

Корецкий Д. А.

Усмешка Люцифера / Д. А. Корецкий — «АСТ»,
2018 — (Перстень Иуды)

ISBN 978-5-17-090303-0

Музейный сотрудник Трофимов изучает историю странного артефакта — перстня из неизвестного металла и с неизвестным камнем, который, по преданию, принадлежал Иуде и обладает магическими свойствами. А в это время в криминальном мире бурлит жизнь: вор Студент мечтает украсть шапку Мономаха, налетчик Голован ищет нарушителя воровского закона уркагана Лютого, идет жестокая борьба за власть — убийства и «разборки» следуют одно за другим. И в центре этих событий тот самый перстень, который действительно ощутимо меняет судьбы своих владельцев. Несколько столетий назад он принес молодому моряку Френсису Дрейку славу жестокого пирата, рыцарство и адмиральский мундир, а в завершение — мучительную смерть. Будут ли криминальные авторитеты счастливее?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-090303-0

© Корецкий Д. А., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Данил Корецкий

Усмешка Люцифера

Часть первая

Научный сотрудник Трофимов

Глава 1

Пропавший перстень

Ленинград, 1961 год

Сторож Сергеич, убитый точным ударом колющего предмета в область сердца, теперь взирал на мир из траурной рамки на специальном столике в вестибюле отдела Западноевропейского прикладного искусства и оружия Государственного Эрмитажа. На расплывчатой карточке, переснятой с его паспортной фотографии, Сергеич был как стекло трезв, непривычно строг, чисто выбрит и выглядел гораздо моложе, чем его запомнили сотрудники отдела. Но и в тогдашних его глазах таилась тоска, будто знал наперед Сергеич, что суждено стоять ему в почетном карауле по случаю собственной кончины.

Семь дней простояла в вестибюле фотография в компании двух пыльных искусственных гвоздик и таблички с надписью «Митрохин Виктор Сергеевич, 1898–1961 гг., погиб при защите социалистической собственности». Сотрудники проходили мимо по своим делам, нет-нет да спотыкаясь иногда взглядами о покойного Сергеича.

– Митрохин, хм... Оказывается, и фамилия была у человека, и имя...

– Был бы жив, так и не узнали бы... А он героизм проявил...

– И все-таки ужасная смерть... С открытыми глазами умер, и не просто открытыми, а будто увидел что-то такое, ужасное... Говорят, такой силы и точности был удар, как профессиональный хирург сработал...

– Хирург с заточкой, ага, конечно... Может, черт с вилами?

– А кто сказал, что заточка? Не факт. Узкий колющий предмет, а это все что угодно может быть. Может, каким-нибудь старинным стилетом и уколошили, не удивлюсь... Он же все болтал про каких-то призраков в Рыцарском зале. Вот и доболтался...

– Пил человек как лошадь, это каждому известно. В белой горячке чего только не придумается. Только ведь из оружия на том стенде ничего не пропало, перстень один и унесли...

– Так вот в нем-то все и дело. Нехороший это перстень, все так говорят. Киндяеву нашему вон руку едва не прожег. А одной сотруднице в 38-м чуть палец отпиливать не пришлось, когда она его надела...

– Нечего было надевать музейный экспонат, за то и поплатилась...

– А заведомо тогдашняя, она за что? У нее мужа арестовали сразу после того, как этот перстень у нас появился. А потом и ее саму сослали в степи, и где она теперь – неизвестно. Получается, кто к нему ни прикоснется, всем так или иначе платить приходится...

– Как же тогда Трофимов, эмэнэс наш молодой? Он этим перстнем занимался в последнее время, к Сомову за заключением бегал, он его и в экспозицию протолкнул – и ничего, жив-здоров...

– Все это до поры до времени, попомни мое слово. Трофимов тоже в последнее время какой-то стукнутый ходит...

Разговоры, разговорчики, перешептывания, сплетни, слухи поползли, побежали по отделу, как тараканы. Сергеича в конце концов похоронили, фото вместе со столиком из вестибюля убрали, нового сторожа наняли (язвенник, непьющий, это был принципиальный момент). Сигнализацию заменили на какой-то усовершенствованный вариант. Витрину, где находился злосчастный перстень, отремонтировали, вставили новое, бронированное стекло, а место пропавшего экспоната заняла французская золотая вошеловка второй четверти XVI века с соответствующей подписью.

Но болезненное мельтешение в умах не прекратилось. Казалось, уже весь Эрмитаж, не только Западноевропейский отдел, вдруг заговорил об этом злосчастном перстне и связанном с ним убийстве – первом, кстати, в этих стенах за всю их более чем 100-летнюю историю. Образованные интеллигентные люди шепотом, вполголоса и строго между своими начали нести всякую мистическую дичь. Про эманации, трансцендентное, inferно и астрал. Слухи быстро выплеснулись в город и поползли по улицам, гостиным и кухням Ленинграда в уже упрощенном, понятном для народных масс виде. Кто-то из посетителей, оказывается, тоже наблюдал некие призрачные фигуры в Рыцарском зале и тоже, кстати, едва не был убит; кто-то потерял сознание у витрины с перстнем, кто-то потерял зрение, кто-то вообще сошел с ума... И свет там якобы отключался сам собой, и двери сами собой захлопывались, и так далее. В конце концов появились сведения, будто бы уже бродит по залу призрак самого сторожа Сергеича с торчащим из груди обломком древнего кинжала и сшибает у посетителей мелочь на опохмел. В Рыцарский хлынули любопытные посетители, как будто там выставили новый редкий экспонат, что само по себе было неплохо, если бы не множество глупых вопросов, на которые приходилось отвечать смотрительницам зала.

Завотделом Наталья Ивановна Силуанова по прозвищу Железная Ната была вынуждена провести специальное собрание, где потребовала от сотрудников пресекать любые слухи, связанные с перстнем и вообще последними трагическими событиями, а также пригрозила самыми суровыми карами любому, кто будет уличен в обсуждении данной темы. При этом она пристально смотрела в сторону младшего научного сотрудника Трофимова, которого, видимо, считала главным источником неприятностей.

И зря. Трофимов, конечно, в последнее время уделял перстню много внимания, это был, что называется, «его» экспонат – выстраданный, выделенный им из множества других, его стараниями определенный в постоянную экспозицию. Пропажа перстня здорово огорчила Трофимова, оглушила, осиротила даже. Несколько дней он ходил будто с похмелья – руки дрожали, голова болела, еда в горло не лезла. Пока однажды кондуктор в автобусе, отрывая ему талончик, не произнесла вдруг густым мужским басом:

– Да хватит так убиваться, Ваня. Натешись еще колечком своим... И оно тобой натешится. Всею свое время. Не горюй – и готовься!

С тех пор как перстень вошел в его жизнь, такие случаи «непроизвольного чревовещания» Трофимов наблюдал уже неоднократно. Однажды про перстень заговорила старушка, продававшая семечки, потом алкаш в парке завел сложный философский разговор... Потом они как будто выходили из гипнотического транса и не помнили, что говорили только что. Поэтому он не стал гадать, послышалось ему или не послышалось, а прямо спросил:

– Что значит – готовься?

Вместо ответа кондуктор вдруг встряхнула головой, заморгала часто, испуганно, и пропищала, почти проголосила тонким голоском:

– Кто не оплатил, граждане, а-апла-а-ачиваем!

Об этих случаях Иван никому не рассказывал. Как не рассказывал и о других необычных свойствах пропавшего перстня, о которых знал не с чьих-то слов, а из собственного опыта. Можно сказать, в этом смысле он был самым сдержанным и дисциплинированным сотрудником Эрмитажа, что бы там ни думала его начальница Наталья Ивановна.

* * *

«Не горюй и готовься». И в самом деле, ему ведь просто некогда горевать – он ведь кандидатскую диссертацию собирался писать об этом перстне! Профессор Сомов тему придумал: «Артефакты мировой религии – мифы и реальность», обещал даже научного руководителя подыскать! Кто за него, Ивана, будет заниматься этой работой?

Следующие несколько вечеров младший научный сотрудник Иван Трофимов провел в архиве Эрмитажа, где в конце концов нашел то, что искал, – сопроводительную записку к экспонату «Перстень базилевса» под инвентарным номером 6254875-ВТ. Записка гласила: «Кольцо, изъятое у врага народа Визжалова А. С. (уголовное дело № такой-то) и, предположительно, имеющее историко-культурную ценность, направляется в Наркомпрос с целью его дальнейшего изучения. Особый Отдел ГУГБ НКВД, г. Москва, 12 августа 1937 г.». Ниже стояла написанная от руки резолюция: «В Госэрмитаж, на доп. исследования!» – и необычайно размашистая, в пол-листа подпись, которая, как решил Трофимов, могла принадлежать только наркому просвещения.

Кто такой Визжалов А. С.? Как у него оказался перстень? Может, это какой-нибудь известный человек? Князь, белый генерал? Английский шпион? Трофимов расспрашивал родителей, теток и дядьев – никому эта фамилия ни о чем не говорила. Поделился как-то за обедом с Киндяевым.

– Понятия не имею, что за шиш такой. Зачем он тебе? – спросил Киндяев.

– У этого Визжалова наш перстень изъяли, как у врага народа, в тридцать седьмом. Я в нашем архиве сопроводительную читал...

– Я с врагами народа не ручкался, – буркнул тот. – А ты все никак не успокоишься с этим чертовым перстнем?

Киндяев невольно скосил взгляд на свою правую ладонь, где до сих пор красовался след от ожога.

– Своровали его, Ваня, тю-тю, до свиданья. Теперь пусть тот, кому он достался, и ломает голову, откуда он, и зачем, и какой враг его нам подкинул...

– Я решил кандидатскую писать по этому перстню.

Киндяев чуть не подавился котлетой.

– Та-ак... А ты представляешь, какого штыка тебе забьет наша Железная Ната?

– Не важно. Профессор Сомов меня поддержит, если что, он мне сам эту тему и посоветовал. Вы скажите, как с этим Визжаловым дальше быть? Куда идти, с кем разговаривать? Вы ведь сами кандидатскую когда-то защищали, проходили через все это, а?

– Через что? Я, Ванечка, по истории хазар больше специализировался, а не по врагам народа и всяким криминальным артефактам. – Киндяев проглотил котлету, запил компотом, отставил тарелку. – Но если по уму, то в архив НКВД тебе надо, писать запрос на допуск к уголовному делу. Там все и прояснится. Если, конечно, допуск дадут. А чтобы дали, надо будет доказать, что ты не просто Ваня Трофимов, у которого случился острый приступ любопытства, а молодой перспективный ученый, работающий над серьезной научной проблемой. Здесь без Сомова твоего тебе не обойтись, и без Железной Наты, кстати, тоже. Потому что Ната – это Госэрмитаж, солидное государственное учреждение, для которого ты как бы и стараешься...

– Я не как бы, я в самом деле стараюсь! – вставил Иван.

– Вот и старайся, – буркнул Киндяев. – Хотя мой тебе совет: плюнь ты на этот перстень. Не потому, что чертовщина всякая и прочее... Пустое это, вот и все. Не наука, а дрянь какая-то. Даже сам не знаю...

Он сердито посмотрел на свою пустую тарелку с остатками горчицы.

– Вот представь, нашли какую-то рукопись на неизвестном языке. Как будто бы. Нашли и стали ломать голову, что там написано. Лучшие умы бились, бились над этой загадкой, сто лет бились, двести, триста. Наконец кто-то, светлая голова, сумел подобрать шифр... И оказалось, что там какие-то похабные анекдоты записаны. Причем не смешные, а именно что похабные. Можешь себе такое представить?

Иван подумал, покрутил головой.

– Нет, Николай Петрович, не могу. Если есть загадка, так надо ее решать, так уж человек устроен. Что будет в ответе, наперед никто ведь не знает. А пока не узнает, так и покоя не будет.

– Да какой ответ, Ваня? Вот тебе ответ, любуйся.

Киндяев протянул ему свою правую ладонь, чуть ли не под самый нос ткнул. В середине ладони алел круглый шрам от ожога. Никому его Киндяев раньше не показывал, да и что там смотреть – шрам и шрам. Но сейчас Иван сразу понял, в чем дело: на коже из красных линий и точек проступала оскаленная львиная морда, точный отпечаток перстня.

– Похабно и не смешно, Ваня. Только что с этим ответом делать, решай сам, – сказал Киндяев, убирая руку.

* * *

Оформление всех необходимых бумаг заняло месяца полтора. За это время Иван Трофимов из рядового сотрудника Эрмитажа превратился в соискателя ученой степени кандидата исторических наук, молодого ученого, работающего над серьезной, перспективной и крайне важной для диалектического познания мира темой. Профессор Сомов, как и обещал, подобрал ему научного руководителя – завкафедрой истории Ленинградского университета Михаила Юрьевича Живицкого, специалиста союзного уровня по раннехристианской культуре Ближнего Востока. Полный, пропахший душистым трубочным табаком и похожий на веселого медведя, Михаил Юрьевич благословил Ивана в его научных изысканиях, утвердил план работы на ближайшее время, пообещал всяческое содействие...

И – о чудо из чудес! – Железная Ната, суровая пуленепробиваемая начальница Трофимова, неожиданно благосклонно отреагировала на его решение заняться судьбой перстня. Даже загорелась, вспыхнула, можно сказать.

– «Мифы и реальность» – вот что важно, Трофимов! Вот! – горячо заявила она, нацелив куда-то в окно ручку-самописку. – Это вы с Сомовым правильно уловили! Потому что объективная реальность не оставляет от мифов камня на камне, проходя по ним диалектическим бульдозером! Вот и займись этим, и чем скорее, тем лучше! Надоели уже эти кликуши с их призраками и ритуальными убийствами музейных сторожей! Скоро про Эрмитаж фельетоны писать начнут, как о главном музее мракобесия!.. Давай, Трофимов, вперед!

Ивану даже почудились в ее голосе знакомые басовитые нотки, как в случае с кондуктором. Но в свете все той же объективной реальности следовало признать, что голос Натальи Ивановны и раньше не отличался женственностью.

...В положенный срок пришел ответ из Учетно-архивного отдела КГБ, где Трофимову предлагалось явиться по адресу Москва, Измайлово, Серебряный остров, д. 1, стр. 1 для ознакомления с интересующими его материалами.

Ясным октябрьским утром он прибыл в столицу – холщовый чемоданчик, плащ через руку, пятнадцать рублей командировочных в кармане. С ним приехал и Киндяев: он находился в отпуске и хотел провести свою альма-матер – исторический факультет МГУ, да навестить сестру, с которой изредка переписывался, но не встречался уже несколько лет.

Первое, что они увидели, выйдя из здания вокзала на Комсомольскую площадь, была афишная тумба с изображением львиной морды с широко открытой пастью. Сразу трое элегантных молодых людей с прическами в стиле «бомонд» и жизнерадостными улыбками на

лицах просунули свои головы в эту пасть, причем там легко поместилась бы еще и четвертая голова. «Московский цирк на Цветном бульваре! Сегодня и ежедневно! Берберские львы братьев Хатежных!» – гласил текст афиши.

И от этого на душе у Трофимова почему-то стало легко и приятно. Словно увидел, как отсюда и до немыслимой дали и выси, где сияет-переливается его готовая, в коленкором переплете, оформленная по всем правилам, с отзывами, заверенными необходимыми подписями и печатями, кандидатская работа, кто-то заботливо расстелил красную ковровую дорожку: иди, мол, не бойся! Как ни странно, но на Киндяева афиша тоже подействовала: он остановился, завороченно открыв рот, и радостно выдохнул:

– Поеду посмотрю представление – сто лет в цирке не был!

Это было настолько не похоже на аскетично-сдержанного старшего научного сотрудника, который никогда не говорил ни о чем, кроме работы, ни к чему, кроме нее, не проявлял интереса и откровенно чурался развлечений, что Трофимов только головой покрутил.

– Конечно, развлекитесь, Николай Петрович, это московский воздух на вас хорошо действует! До встречи в Эрмитаже!

Архив НКВД находился в бывшей церкви на окруженном водой острове на окраине Москвы, к нему вела единственная дорога со шлагбаумом и КПП. Пропуск уже был готов. Трофимова проводили в кабинет к дежурному по отделу, который, не отрывая взгляда от бумаг на своем столе, расспросил, что именно его интересует в деле Визжалова. А через десять минут Иван сидел за столом в маленькой подвальной комнате – наверное, бывшей монашеской келье, – разделенной надвое стеклянной перегородкой, по другую сторону которой находился какой-то рыжеволосый тип в штатском. Положив голову на согнутую в локте руку, он молча смотрел на Трофимова. Может, спал с открытыми глазами, кто его знает.

Перед Иваном лежала тоненькая папка с несколькими пожелтевшими от времени листками с машинописным текстом. Он прочел все от корки до корки. Ничего не понял. Прочел еще раз. Вдруг резко разболелась голова. Тяжелый сводчатый потолок над головой стал давить и, казалось, вот-вот обрушится на него. Захотелось в туалет – так сильно и внезапно, будто он не то что застудил, а отморозил себе мочевого. Трофимов поднял голову, чтобы спросить рыжеволосого, где тут уборная... И увидел, что тот целится в него из пистолета. Прищурив один глаз и приоткрыв рот в пренебрежительном, брезгливом оскале, он водил вверх-вниз вороненым стволом, выбирая, очевидно, какую часть головы Трофимова разнести на куски...

– Что случилось, гражданин?

Иван моргнул. Все прошло так же внезапно, как и началось. Ни оскала, ни ствола. Рыжеволосый сидел как сидел, уронив голову на руку, и с ленивым любопытством разглядывал его.

– Хотели что-то спросить?

– Я...

И в туалет тоже расхотелось. И голова прошла. Только в горле пересохло.

– Здесь попить где-нибудь можно? – охрипшим голосом спросил Иван.

– На выходе попьете, – безразлично бросил рыжеволосый.

Ладно. На выходе, так на выходе. Иван перечитал текст третий раз. Это был протокол допроса. Комиссар госбезопасности третьего ранга Визжалов Аристарх Сидорович (в скобках сверху почему-то написано «Выезжалов» и зачеркнуто) обвинялся в госизмене, подрывной деятельности и создании преступной религиозно-террористической организации под названием «Черная гвардия», главным магистром которой являлся сам нарком внутренних дел Ягода Генрих Григорьевич...

«...В 1925 году я служил старшим сотрудником по особым поручениям оперативного отдела ОГПУ г. Ростова-на-Дону. Моя девушка, Котик Татьяна, журналист местной газеты, однажды познакомила меня с Петром Дороховым по кличке Седой...

...да, я знал, что Дорохов был бандитом и налетчиком, а также что гражданка Котик была его любовницей, но это меня не смущало...

...неоднократно помогал Дорохову скрываться от справедливого возмездия, используя свое служебное положение. За это он делился со мной деньгами, нажитыми грабежами и убийствами...

...говорили, что этот «львиный» перстень с черным камнем, который он всегда носил на пальце, обладает сверхъестественной силой, благодаря чему Дорохову всегда и во всем сопутствует удача...

...решил завладеть перстнем и деньгами Дорохова. Для этого я сдал его органам ОГПУ и организовал его задержание, в ходе которого застрелил Дорохова. Перстень я сразу забрал себе. Вскоре я женился на его бывшей любовнице Котик Татьяне...

...перевели в Москву, и там я начал быстрое продвижение по службе, что подтверждало мысль о сверхъестественных свойствах перстня. Во время кадровой аттестации я познакомился с Генрихом Ягодой, который в то время возглавлял НКВД. Он проявил интерес к этому перстню, высказал несколько суждений о том, что все мы на самом деле служим не партии и народу, а Люциферу и что давно пора это признать...

...каждую пятницу. Кровь потом смывали. Как правило, в жертву приносили людей рабоче-крестьянского происхождения, морально устойчивых и идеологически подкованных, т. к., по циничному утверждению Ягоды, наш хозяин предпочитает мясо «с легким марксистско-ленинским душком»...

...на которых мы с врагом народа Ягодой Г. Г. и другими членами «Черной гвардии» планировали убийство товарищей Сталина и Ежова, введение на территорию СССР интервентских сил и захват власти. Заседания обычно заканчивались оргиями, в которых участвовали как законные супруги членов организации, так и женщины легкого поведения, которых специально доставляли на дачу Ягоды Г.Г....

«Вот это дичь! Фантастическая дичь!» – едва не произнес Трофимов вслух. Нарком Ягода – главный магистр ордена дьяволопоклонников? Взрослые советские люди, комиссары госбезопасности, на полном серьезе проводили «черные мессы», совершали обряд жертвоприношения? Бр-р, просто не укладывалось в голове. Может, это какой-то идиотский розыгрыш и ему вместо выдержек из уголовного дела подсунули фрагмент антисоветской пьесы?

Иван посмотрел на своего рыжеволосого визави. Нет, такие люди шутить не станут.

Да и справка, завершающая дело, не располагала к шуткам: «Приговор приведен в исполнение 17 августа 1937 года в 22 часа 55 минут»...

Трофимов вздохнул и сделал пометку в блокноте: «Петр Дорохов, бандит-налетчик, г. Ростов-на-Дону, 1925 г.».

* * *

Его поезд уходил в 23.40. Иван успел побывать в ГУМе, на Красной площади, больше часа отстоял в очереди в Мавзолей, пока в голове вдруг не всплыл образ врага народа Ягоды в черной мантии, с гитлеровскими усами и улыбкой на выпачканном кровью лице. Идти в Мавзолей почему-то расхотелось. Он отправился бродить по городу, думая о своем, пока опять не увидел афишную тумбу со львом и футбольным мячом. А в самом деле, почему бы ему не сходить в цирк? Заодно расскажет Николаю Петровичу про дикий бред, официально задокументированный органами и положенный в основу расстрельного приговора! Спустился в метро, через четверть часа был на месте.

До начала вечернего представления оставалось еще много времени, поэтому Иван удивился, обнаружив толпу возле знакомого ему по открыткам и почтовым маркам здания с круглым куполом. Неужели все пришли за лишним билетиком?..

Потом заметил карету скорой помощи с включенным синим маяком. И два милицейских «козлика». Еще одна «скорая», ревя сиреной и сигнала, вдруг выскочила из ворот цирка и на бешеной скорости умчалась в сторону Садового кольца. Иван подошел поближе, и до него вдруг дошло, что люди здесь какие-то не такие, не похожи они на ту празднично разодетую толпу, что ломится вечером в цирк. Хмурые, встревоженные лица.

– Что случилось? – он тронул за плечо какого-то парня.

– Зрителя порвали на дневном представлении, – ответил тот с легким грузинским акцентом. – Схватил за голову, та как орех лопнула...

Иван остолбенел.

– Кто порвал? Кто схватил?

– Лев, как кто. Люди так говорят. Ограду плохо установили, он выскочил и напал на какого-то музейщика... Тот только сегодня приехал из Ленинграда, представляешь?!

Парень вдруг всплеснул руками, воздел их вверх, сложив пальцы в щепоти в типично восточном жесте.

– Это ж лев, понимать надо! Это ж не овца! А берберский лев – самый злой из всех, настоящий дьявол!.. Разве можно так ограду свинчивать?! И я мог на месте этого бедняги оказаться, и ты...

У Трофимова закружилась голова. На негнувшихся ногах он подошел к милицейскому оцеплению и спросил у худощавого лейтенанта:

– Можно мне пройти? Я ищу своего коллегу, мы в Эрмитаже работаем, утром вместе из Ленинграда приехали...

Лейтенант оживился и, обернувшись, крикнул кому-то:

– Васильев, тут свидетель объявился! Он потерпевшего знает!

Потом сказал Трофимову:

– Хорошо, что вы с ним не пошли... Проходите, следовательно с вас показания снимет! – и добавил: – И зачем вы в цирк ломитесь? Разве вам Эрмитажа мало?

Вынырнувший из дверей молодой человек в штатском взял оцепеневшего Ивана за рукав и провел в кабинет дирекции, где он под протокол подробно рассказал, как и зачем они приехали в Москву и как Киндяеву внезапно пришла мысль посетить цирковое представление. Про перстень с головой льва, в котором покойный Николай Петрович видел сатану, он не упоминал, чтобы не попасть в психиатрический стационар.

А в вестибюле Эрмитажа выставили в траурной рамке портрет старшего научного сотрудника Николая Петровича Киндяева. Его смерть широко не обсуждалась, но по углам сотрудники шептались:

– Сначала Сергеич, теперь Петрович...

– Двое, один за другим, это неспроста...

– И совпадение странное: лев с перстня его обжег, и лев же разорвал...

– Там полный зал народу, а зверь именно его выбрал...

Железная Ната не могла пресечь эти разговоры, но постепенно они сами собой сошли на нет, хотя ни один человек не забыл этих трагических совпадений, а несколько молодых сотрудников срочно уволились без объяснения причин.

* * *

– Это, конечно, трагический случай, но случай, – сказал профессор Сомов. – Лев может вырваться из клетки и загрызть зрителя, но при чем здесь перстень? Не впадай в мистику –

советский ученый должен на все смотреть с позиций материалистической диалектики! Лучше расскажи, что ты раскопал в архивах.

– Да там просто бред какой-то! – Трофимов, то и дело заглядывая в свои записи, но все равно торопясь и сбиваясь, принялся пересказывать изученные документы.

Сомов слушал, сосредоточенно массируя подбородок узловатыми пальцами в старческих пигментных пятнах. Глаза за толстыми линзами смотрели спокойно и отрешенно, словно молодой человек зачитывал скучный доклад по архивоведению.

– Что ж, понятно, – негромко сказал он, когда Иван закончил. – Люди и не такое говорили под пытками... Или чтобы избежать пыток. Так что самые цветистые пассажи из этой истории можешь спокойно забыть.

– Вы хотите сказать, что его *пытали*? Наши, советские люди, чекисты?

Сомов наклонился вперед, посмотрел на него поверх очков.

– Ты уже большой мальчик, Трофимов. Наверняка читал материалы XX съезда партии, знаешь о перегибах и прочем. Но нас ведь интересует не это, верно?.. – Профессор подождал, словно давая возможность Ивану оспорить его точку зрения. Но спорить здесь было не о чем. – Ты занимаешься научной работой по конкретному артефакту, проводишь историческое исследование, а не анализируешь методы работы судебных «троек» или, скажем, природу психических фантомов. Улавливаешь разницу?

– Конечно, Порфирий Степанович.

– Поэтому отправляйся в архивы, Иван, в обычные наши скучные исторические архивы, где никто никого не пытается и не рассказывает побасенок. Копай, ищи там следы этого перстня, тебе специалистов в области предметов религиозного культа, расспрашивай, читай, общайся с коллегами. В общем, занимайся наукой. Фактами. А дешевыми сенсациями пусть занимаются журналисты.

– Но мне интересно узнать про этого Дорохова, Порфирий Степанович! Как у него оказался этот перстень, откуда и что это означает – «ему всегда сопутствовала удача»? Ведь посмотрите, в самом деле – Визжалов заполучил перстень и за десять лет из провинциального оперативника дослужился до заместителя начальника всей Государственной безопасности страны! Это ведь факт, согласны? Может, у Дорохова была похожая история?

– У твоего Дорохова по определению не может быть ничего похожего, Иван. Потому что он умер обычным бандитом, подонком общества. А не генералом, не знаменитым оперным тенором и не ученым с мировым именем...

И все-таки этот обычный бандит и подонок общества очень заинтересовал Трофимова. Он знал, что в Публичной библиотеке есть читальный зал региональной периодики, куда поступают газеты со всего Союза чуть ли не с 17-го года. Заказал подшивку ростовских газет за 1925 год, но оказалось, что библиотечный фонд сильно пострадал во время войны и за данный период у них ничего нет. Можно было, конечно, съездить самому в Ростов, что-то попробовать разузнать... Можно, в конце концов, написать еще один запрос – в архив Ростовского управления КГБ... Хотя вряд ли без специальной протекции его туда пустят.

И тут Ивана осенило. Он подошел к окошечку с надписью «Услуги абонентам».

– Скажите, вы делаете тематические подборки по периодике?

– Это платная услуга, молодой человек, – ответила девушка-библиотекарь.

– Понимаете, мне нужно найти сведения об одном человеке, он жил в Ростове-на-Дону. Я знаю только фамилию и имя. Мне нужны любые упоминания о нем, все, что угодно. Хотя бы по парочке ростовских газет пройти, а?

– Вам за какой период?

– Я не знаю. Мне сказали, что довоенных ростовских газет у вас нет... Наверное, с 45-го... Ну и по сегодняшний день. Это будет сложно?

– Скажем так, это будет не скоро.

Девушка протянула ему бланк.

– В строчке «Тема» напишите интересующую вас фамилию. И телефон оставьте, вам позвонят, когда что-то найдется.

Позвонили через две недели. Единственное упоминание о Петре Дорохове содержалось в главной партийной газете Ростова-на-Дону «Серп» в статье под бодрым заголовком «Помнить героев!». Очень неожиданное упоминание. И опубликована статья недавно: воспоминания некой Светланы Дороховой о создании первой партийной ячейки в станице Нижне-Гниловская. В основном все события вертелись вокруг фигуры Архипа Кузьмича Терехова, занимающего в данный момент пост третьего секретаря обкома. В декабре 1917 года вместе с тремя односельчанами он вступил в перестрелку с белогвардейцами, засевшими в местной бане. Офицеры были уничтожены, а сражавшиеся с ними станичники составили костяк будущего ревкома. Одним из них был отец Светланы Дороховой, который позже создавал в Нижне-Гниловской колхоз и боролся с кулаками. Но упоминается также и брат Светланы – Петр Дорохов.

«...Батя Петра на учебу в Ростов отправил. Денег на дорогу дал и перстень, который он у беляка отнял. С мордой такой страшной. А Петро быстро в гору пошел. Он нам деньги из города передавать стал. Как-то приезжал на пролетке... Помню, рассказывал, что буржуев наказывает. А уж как именно, про то не знаю. Скорее всего, в органах работал. А через несколько лет погиб от руки бандитов...»

Перстень. С мордой страшной. Ну конечно, тот самый! Откуда следует, что якобы работавший «в органах» Петр Дорохов на самом деле был налетчиком по кличке Седой.

И еще, пожалуй, главное: среди прочих трофеев у белогвардейцев была изъята планшетка с рукописью о «каком-то мистическом перстне», которая сейчас находится в Ростовском музее краеведения.

«Никакой мистики нет! – уверяла Светлана Дорохова, сестра ростовского налетчика. – Есть исторический материализм, который еще в то нелегкое время предсказал неотвратимое наступление коммунизма!» Впрочем, эти правильные слова, скорей всего, вписал редактор, чтобы выдержать идеологическую линию.

Иван поднял голову от газеты, посмотрел на окошко услуг. Вместо девушки, которая оформляла заказ, сегодня там сидела пожилая женщина в косынке. А жаль. Он бы ее расцеловал, наверное.

Теперь стало совершенно ясно, где надо продолжать дальнейший поиск!

Глава 2

Поездка в Ростов

– Опять командировка, Трофимов? Ах, Ростов-на-Дону? А почему сразу не Сочи, не Ялта?

Железная Ната взирала на него с этакой брюзгливой помещицкой миной: ох уж мне эти крепостные, так и норовят свалить куда-нибудь, только бы барщину не отрабатывать!

– А знаете, Наталья Ивановна, я бы и в Сочи скатался с удовольствием! Да хоть на Золотые Пески, ха-ха! Но там, к сожалению, ничего нет по моей диссертационной теме!

У Трофимова даже дух захватило, настолько нахально, панибратски прозвучал его голос. Честное слово, он понятия не имел, откуда взялся этот тон, эта улыбочка, которая напознала на лицо, как упавший с люстры паук, растянула его, сделала каким-то чужим, неприятным самому себе.

– Да, очень жаль, очень жаль, Трофимов... Золотые Пески, хм, в самом деле... А как же непосредственные обязанности?

– Именно что непосредственные, Наталья Ивановна! Вы же сами сказали: диалектическим бульдозером – по мифам и слухам! И чем скорее, тем лучше! Я себе в блокнот так и записал! Вот и тороплюсь, стараюсь, воплощаю, так сказать!.. А донского рыбца, кстати, никогда не пробовали?

Она смотрела на улыбающийся рот Трофимова, на отполированные с утра мятным порошком зубы, и с лицом ее тоже что-то делалось. Оно теплело, расплывалось вширь. И, кажется, глупело.

– Кого, кого?

– Рыбца донского, Наталья Ивановна! Рыба такая! Говорят, умопомрачительная вещь! Обязательно привезу! Вручу лично!

– Ой, это лишнее, не стоит... Впрочем...

Она вдруг словно что-то вспомнила, коснулась рукой лба, застыла на минуту. Затем взяла ручку, поставила подпись под заявлением о командировке, передала ему.

– Это в бухгалтерию. Задурил ты мне совсем голову, Трофимов. Езжай в свой Ростов, копай... Бульдозерист ты наш диалектический...

Она улыбалась. Она шутила. Она даже не поинтересовалась, за каким таким ценным материалом ему понадобилось ехать за тысячи километров. Между тем всего несколько минут назад – Трофимов это знал точно – Железная Ната даже мысли не допускала ни о какой командировке, потому что из Калининграда прибыл контейнер с экспонатами по Пруссии эпохи герцога Альберта, нуждающимися в срочной паспортизации. Да и сам он еще сегодня утром не собирался никуда ехать, понимая безнадежность затеи и... тем более что на место Киндяева взяли новичка, которого надо было вводить в курс дела. И вдруг – словно молния сверкнула – решился, набрался наглости. А Железная Ната тоже вдруг взяла и подмахнула его командировку, практически не глядя... Чудеса, чудеса. Вот только улыбочка эта дурацкая (в коридоре Трофимов пальцами потрогал щеки, проверяя, сползла ли она, отклеилась ли)... Откуда?... И вел он себя похабно, будто прохиндей из водевиля...

«Ладно. Чего не сделаешь ради науки, – сказал он себе. – Надо будет, и соловьем запоешь, и козлом поскачешь...»

И тут же неожиданно, экспромтом: «...А возьму-ка я себе купе люкс! Научный эксперимент: убьет меня Ната или не убьет?»

* * *

Ровно через двое суток диссертанта Трофимова – бодрого, свежего, отлично выспавшегося в комфортабельном люксе – встречал на перроне вокзала сам Сеницын, директор Ростовского музея краеведения. Иван даже не удивился, чего-то такого и ожидал. Открывая перед гостем дверцу своей старенькой «эмки», Сеницын извиняющимся тоном пробормотал:

– Была бы в нашем хозяйстве соответствующая машина, кхе-кхе, сами понимаете, обязательно бы... Для такого гостя... Кхе-кхе.

– Не стоит беспокоиться, Семен Лукич! – Трофимов благосклонно кивнул.

– Ну, как же не беспокоиться... Не каждый ведь день к нам из самого Эрмитажа ученые приезжают!..

Музей располагался в центре, в глубине зеленого двора. Знакомство с сотрудниками, чай с бутербродами, помесь рабочего завтрака с торжественным приемом. Такая почтительная сдержанность. Иван обратил внимание, что с подчиненными Сеницын далеко не так любезен, как с ним. Через десять минут он громко скомандовал: «Хватит расслаиваться! Всем за работу!», хлопнул в ладоши – и все эти музейные матроны и сребровласые старушки, побросав недопитый чай, живо рассыпались по местам.

Небольшая экскурсия по музею. Вот сокровища Донских курганов, две тысячи единиц: сплошь золото и серебро. Вот клады боспорские. Вот каменные бабы половецкие. Чучело белуги, самой крупной в мире. Шарманки авторские. Сабли и шашки казацкие...

– Погодите, а где же стенд героев Донской революции? – спросил Трофимов. – Собственно, из-за него я сюда и приехал.

– Вот как?

Сеницын растерялся.

– Мне очень жаль, Иван Родионович... Этот стенд, его, простите, разобрали... – На круглом, как блин, лице директора музея нарисовалось нешуточное страдание. Он отвел глаза в сторону и стал глотать фразы. – Там такая история неприятная... Терехов, секретарь обкома, который на стенде... Он на охоте погиб, вместе с подчиненным... Сейчас проверка, следствие, а пока все не выяснится, это, вот... Разобрать велели стенд, до дальнейших, как говорится, кхе-кхе...

– Вот тебе раз! Терехов погиб?

Ивану отчего-то вдруг представился дикий берберский лев, раздирающий на части упитанное тело в сером двубортном костюме с депутатским значком на лацкане.

– Его лев, что ли задрал?... Тьфу, то есть медведь?

– Какой медведь, Иван Родионович? Эх, если бы медведь, не было бы никаких... – Сеницын осекся. – Простите, я хотел сказать – застрелили Архипа Кузьмича, по случайности застрелили. И Бузякина, зама его, тоже... Очень неприятная история вышла, кхе-кхе...

– А где экспонаты со стенда? Не выбросили же их?

– Зачем же выбрасывать? Указаний таких не было... Вот, кое-что в этнографическую коллекцию перенесли...

Сеницын показал на стеклянную витрину.

– Фуражка эта, Дорохов ее носил... А вот шашка Ивана Кротова... Рукоятка у нее резная, типичный донской мотив... Мы тут никаких имен не подписывали пока, сами понимаете...

– Там еще планшетка с рукописью была. Где она?

Сеницын молча проводил его к военной экспозиции. Открытая планшетка лежала под стеклом рядом с оружием времен Гражданской войны. Она была пуста.

– А рукопись ту я чуть было не того... Ни в одну экспозицию тематически не лезет: не народное творчество, не литературный, так сказать, шедевр, вообще не пойми что... Перстень

там какой-то описывается... Причем ладно бы скифской работы или половецкой... Да и расплывчато все как-то, не по-научному... Мистика сплошная, убийства...

– Где рукопись? – спросил Иван чуть резче, чем хотел.

– Да в столе она у меня, ничего с ней не стало! – поспешно заверил его Синицын, даже пальцами что-то такое изобразил, словно дирижер при исполнении бравурного марша.

Закончив осмотр музея, приземлились в директорском кабинете. Синицын надел резиновые медицинские перчатки и достал из ящика стола пухлый пакет желтой бумаги – замызганный, мятый, в бурых пятнах и отпечатках грязных пальцев.

– Привычка, кхе-кхе, старого музейщика, – он помахал рукой в перчатке. – Вам тоже могу одолжить пару...

– Спасибо, зачем? Это ведь не экспонат из чумного могильника, – сказал Трофимов.

– Ну... Как скажете.

Иван осторожно извлек из пачки исписанные листки, жадно впился в них глазами.

«Размышления и наблюдения о некоторых удивительных явлениях, а также событиях, связанных с так называемым «иудиным перстнем», записанные дипломированным каллиграфом Георгием Карловичем Рутке в осень 1859 г...»

Так начиналась рукопись. Если бы это оказался чудом уцелевший папирус из Александрийской библиотеки, или неизвестный автограф Пушкина, или даже заверенное печатью небесной канцелярии подробное изложение его, Ивана, собственной дальнейшей судьбы – вряд ли интерес оказался бы сильнее. Сильнее было просто некуда. Он принялся глотать текст, забыв обо всем на свете, не обращая внимания на Синицына, который бесшумной тенью перемещался по кабинету, уходил куда-то, возвращался и опять исчезал.

– Иван Родионович, простите покорно...

– А?

Трофимов поднял голову. На улице за окнами кабинета уже горели фонари, и дождь тихонько барабанил по карнизам. Поперек директорского стола лежал белоснежный рушник, на нем графин с прозрачной жидкостью, две рюмки и блюдо с какими-то разносолами.

– Что ж вы, Иван Родионович? – Синицын впервые оставил свой извиняющийся тон, он упрекал и даже немного сердился. – Вечер уже, смотрите-ка, а вы с утра на одной, простите, бумаге... Это не в донских привычках, чтобы гость вот так впроголодь сидел! Ну-ка, прошу к столу, немедленно!

Трофимов потер уставшие глаза и вдруг почувствовал острый, дразнящий запах. В животе сразу заворочалось, заурчало.

– А с рукописью что? – спросил он. – Я и трети пока не одолел, как быть?

Взмах руки Синицына был по-казацки, по донски решительным.

– Под расписку отдам! От нашего фонда, так сказать, вашему фонду! Мне, поверите ли, даже спокойнее станет...

Балык, черная икра, холодные щучьи котлеты с хреном, мягкая, невероятно вкусная водка («На домашнем укропе! Сам, кхе-кхе, настаиваю!») в простых граненых стограммовиках. И все так ладно, так хорошо складывается одно к одному, и собой Трофимов чрезвычайно доволен. Ведь не зря же он выбил эту командировку, ох не зря! Через месяц-другой, глядишь, списали бы рукопись, перечеркнули крест-накрест шпагатом – и на макулатуру! Все концы бы оборвались, страшно подумать!

– Я вас отлично понимаю, Иван Родионович! – энергично клюет носом Синицын. – Хуже нет, чем вот оно, почти в руках держишь, и вдруг щелк по носу, и нету! И все же, все же, кхе-кхе... – Он сморщил лицо, остро взглянул из-под бровей. – Я ведь перчатки эти надевал, как бы вам сказать... не только чтобы рукопись сохранить. Да плевать я на нее хотел, простите. Противно мне, Иван Родионович, гадко от этой бумаги. Будто зараза там липкая, тысячелетняя! Поймите только правильно... Я ведь и на курганах поработать успел, с трухлявых скеле-

тов пылинки сдувал, в гробницах ночевать доводилось... Эх, всяко повидал... Не брезгливый я человек, вот чего нет, того нет. А тут словно, кхе-кхе... Не хочу за столом, простите.

– Странно, очень странно! Мне, наоборот...

– Еще бы не странно, Иван Родионович! – перебил его охмелевший Сеницын. – Два раза собирался... не в архив, нет, не во вторсырье – на помойку хотел выбросить! В кучу с листьями во двореке – сжечь! Уж простите великодушно... И – не смог! Испугался! Каждый раз как решусь, храбрости наберусь... выдвину этот ящик, а вместо пакета там – черный маузер! Знаете, как тот, из которого Терехов застрелился... Ну, настоящий маузер, десятизарядный, все как полагается... насечки на рукоятке, ствол лоснится, я даже запах слышал, перегаром порохом тянет оттуда! И трезвый ведь был, и чувствовал себя нормально...

– Пойдите, как это Терехов застрелился? – уставился на него Трофимов. – Его же на охоте убили, вы сами мне говорили!

Еще один отчаянный казацкий взмах, от которого едва не падает бутылка.

– Какая охота, Иван Родионович, дорогой вы мой!! – Лицо директора сморщилось, вдавилось внутрь, как резиновая груша. – Не было никакой охоты!.. Сняли Терехова с должности, со скандалом сняли... Так он после этого вызвал к себе Бузякина... Эх!.. Не знаю уж, что там меж ними произошло... Спор какой-то был, говорят, кричал сильно. А потом за маузер схватился, он у него в сейфе лежал, и порешил – сперва его, потом себя!..

Сеницын резко, с грохотом, выдернул ящик стола, где лежала рукопись Рутке, словно хотел поймать там притаившуюся мышь. Заглянул внутрь, хмыкнул довольным.

– Нет ничего! Пусто! – приподнял ящик над головой, зачем-то демонстрируя Трофимову. Оттуда посыпались какие-то крошки, обрывки бумаг, Сеницын не обращал на них внимания. – А вы копайте там у себя, в Эрмитаже, изучайте, коли вам нравится!

Он больше не лебезил, не суеился, на Трофимова смотрел в упор, тяжело, не прячась. И хоть был пьян, держаться стал прямее. Совсем другой человек сидел сейчас перед Трофимовым.

– Дикая какая-то история вышла, – сказал Иван, чувствуя себя неловко. – Секретарь обкома, маузер, убийство...

– Вот-вот. А тут вы приезжаете, Иван Родионович... С чего бы это? – Не отрывая от собеседника взгляда, Сеницын наклонился, поддел вилок ломтик балыка, снова откинулся на спинку стула. – Столько лет валялось все это добро по чердакам станичным, никому не нужное, никто его не трогал, не вспоминал... И вдруг все как с цепи сорвались: то оформлять этот стенд срочно, то снимать, то сам Эрмитаж интерес к нам проявил...

– Это тема моей кандидатской, только и всего. «Артефакты мировой религии – мифы и реальность». Ничего загадочного... А перстень у нас в постоянной экспозиции выставлялся...

– Пока не украли, – веско вставил Сеницын.

– Да. Вы слышали об этом?

– Музейщики – одна большая семья, – криво усмехнулся Сеницын. – И у вас тоже без убийств не обошлось. Знаю, знаю... Так, значит, вы, Иван Родионович, у нас будущий кандидат. Будущий, – повторил он со значением.

Плеснул в рюмки, выпил сразу, выдохнул громко.

– А пока что вы обычный эмэнэс... Мелкий, то есть простите – младший научный сотрудник... Н-да...

Теперь опьяневший Сеницын смотрел на гостя уже с явной издевкой. Если не злобой.

– Хоть убей, не понимаю, чего я так испугался-то... – проговорил он медленно, сквозь зубы, словно сам с собой. – Если бы ты с Лубянки был, так не прятался бы, сразу удостоверением в морду ткнул... А чего я тогда на вокзал поперся, лебезил, ляжками тут перед тобой дрыгал? А? Не знаешь?

Трофимов понял, что надо сворачиваться.

– Никто ни перед кем не лебезил, вы ошибаетесь, Семен Лукич. Спасибо вам большое за прием, за помощь. Мне пора.

Он поднялся из-за стола, затолкал пакет с рукописью в саквояж.

– А я тебе скажу чего, – Синицын его будто не услышал. – Из-за бумажек этих чертовых... Не зря я перчатки надевал-то. И сердце тряслось как студень все эти дни, и гнусь всякая мерещилась. Давило, давило...

Он расстегнул пиджак, потер рукой грудь через рубашку.

– А все чтоб я, значит, костерок вдруг не разложил во двореке музейном...

– Ну при чем тут костерок, Семен Лукич? – Трофимов уже стоял возле двери, обернулся. – Это уже, простите, из области мифов. Так вы все тезисы моей кандидатской на корню загубите! – Он выдавил смешок. – Наш девиз: никакой мистики нет!

Синицын застегнул пиджак, поправил галстук, выпрямился на стуле.

– Может, и так, Иван Родионович. Пусть будут мифы, я согласен, – пробормотал он устало. – Только мне от этих твоих мифов гадко и тяжело, а тебе, Трофимов, я вижу – сладко... Вижу, вижу, не отпирайся. Про бездну у Ницше слышал? Он хоть и вражеской идеологии был человек, а сказал не в бровь, а в глаз: «Если долго всматриваться в бездну, бездна начинает всматриваться в тебя». Вот так-то, Трофимов.

Обратно в Ленинград Иван тоже ехал в люксе. Попутчиков не было, всю дорогу читал рукопись, даже спать не хотелось. На работе первым делом отправился в бухгалтерию, вручил командировочное, чеки за питание и билеты на поезд. Главбух ознакомила, даже не пикнула. И Железная Ната тоже. Так что научный эксперимент, можно сказать, удался.

А донского рыба он, кстати, все-таки привез, на вокзале купил. Вручил начальнице в нарядном бумажном пакете – была довольна, зарделась даже.

Глава 3

Путь перстня Иуды

СССР, г. Ленинград, 12 июля 1963 г.

Уважаемый г-н Таубер!

Меня зовут Иван Трофимов, я – молодой ученый, сотрудник ленинградского музея «Эрмитаж». Занимаюсь научно-исследовательской работой, посвященной артефактам мировой религии. Как мне стало известно, Вы являетесь единственным потомком семейства фон Браун, его «потсдамской» ветви. Ваша бабушка, Ева Таубер, урожденная фон Браун, была дочерью основателя концерна ДФА – «Дойче Флюгцайг унд Аутоверк» Фридриха фон Брауна. Поэтому считаю своим долгом сообщить Вам, что в ходе моих исследований были обнаружены некоторые свидетельства о кончине Вашего двоюродного дедушки Германа фон Брауна, погибшего в декабре 1917 г. на территории России.

Как следует из документов, которые оказались в моем распоряжении, он был военным летчиком, считался одним из лучших на Восточном фронте. Во время разведывательного полета в районе г. Двинска мотор его самолета внезапно отказал, и Герман фон Браун произвел вынужденную посадку, которая закончилась для него трагически. Его тело обнаружили русские солдаты и похоронили на месте катастрофы. К сожалению, точное место захоронения мне неизвестно.

На пальце Германа фон Брауна в момент гибели был перстень из серебристого металла с черным камнем овальной формы. Некоторое время перстень хранился у офицера русской армии Латышева, который рассчитывал вернуть его родственникам г-на фон Брауна после окончания военных действий. Но Латышев погиб, не успев осуществить задуманное. Перстень сменил еще несколько хозяев, после чего след его потерялся.

Как Вы, наверное, догадались, г-н Таубер, моя научная работа непосредственно связана с перстнем Германа фон Брауна, который имеет отношение к религиозному культу и, следовательно, к интересующей меня проблеме. Буду очень признателен, если Вы сообщите мне, как он попал к представителям Вашего семейства и какую роль сыграл в жизни Вашей бабушки и ее родственников. Меня интересуют любые, пусть даже малозначительные подробности.

Заранее Вам признателен. С уважением,

Трофимов И. Р.

Рано или поздно подступаешь к этой черте. Прочитанное, впитанное, освобожденное из скорлупы тайны, вспышки озарений, ночные раздумья, еще черт-те что – весь этот великолепный хаос должен упорядочиться, найти свое место в отбитых на старенькой печатной машинке строчках. Грамотных, внятных, идеологически и стилистически выверенных, с правильно расставленными знаками препинания.

Оттягиваешь этот момент, придумываешь какие-то отговорки, погружаешься в материал, прячешься в нем. Страшно. Такая глыба перед тобой тысячетонная. Но уже теребит научный руководитель профессор Живицкий: «Когда думаешь заканчивать? Не страдай аспирантской болезнью – делать из диссертации конфетку! Написал – и защищай! Потом исследуй дальше, пиши докторскую, но это уже будет вторая серия!»

Конечно, легко так говорить, когда являешься признанным авторитетом в научном мире, корифеем, каждое слово которого – истина в последней инстанции... Ну, или в предпоследней...

Железная Ната жаловалась: отдел опять не выполняет план по публикациям. «Трофимов, где там твой знаменитый труд про перстень? Выдерни оттуда страниц десять и тисни в «Музей-

ных ведомостях»! Мы же тебя в командировки посылали, в архив органов письма писали, держивали во всем. Да тебе самому лишняя статья не мешает!»

Хорошо хоть про купе люкс не вспомнила.

Трубы трубят, колокола звонят – пришла пора садиться и писать. Выстраивать.

Начать решил с малого: написал Карлу Тауберу в Ганновер. Отыскать единственного живого отпрыска клана фон Браунов ему помог Живицкий, у которого есть связи в научных кругах ФРГ. В общем-то, это было нетрудно.

Гораздо сложнее оказалось с самим письмом. Трофимов решил отправить его на официальном бланке, сказал Железной Нате – та пришла в ужас. Младший научный сотрудник Эрмитажа пишет послание представителю капиталистической державы, наследнику одиозной фамилии, в течение десятилетий угнетавшей немецких пролетариев, запятнавшей себя сотрудничеством с фашистами... Или не запятнавшей? Подожди, Трофимов, здесь надо семь раз отмерить, десять раз отмерить... Все-таки заграница есть заграница!

Она несколько раз правила его текст, так что русский офицер Латышев стал у нее сперва «белогвардейским», потом «вражеским», на каком-то этапе появился даже эпитет «бесчеловечный». Сам Трофимов перестал быть просто молодым ученым, превратившись в «советского комсомольца, антифашиста, приверженца марксистско-ленинской идеологии»...

– Пока не забыла, Трофимов: надо еще добавить, что ты осуждаешь политику НАТО! – сказала она как-то за обедом в столовой.

– Решительно осуждаю! – поддакнул ей Трофимов.

Письмо он втихую отправил в первоначальном виде, без всяких правок. Ничего страшного не случилось, его не арестовали, даже не вызвали на допрос. Железную Нату, правда, с тех пор стали называть Железной НАТО, но исключительно за глаза, да и на слух это изменение было почти неуловимо – знали и посмеивались только свои.

Спустя полтора месяца пришел ответ от Таубера. Он работает простым электриком на частном предприятии, любит спортивные передачи, особенно футбол.

«...О бабушке Еве почти ничего не знаю, т. к. ее отдали в психическую больницу, я ее там не навещал, а потом она умерла. Говорить о фон Браунах в нашей семье вообще не принято, мать всегда твердила, что это «проклятое отродье» и «дурная кровь». Может, оно и так. О судьбе дедушки Генриха и дедушки Вильгельма я узнал из старых газетных сообщений, которые нашел в шкатулке покойной бабки. Дедушка Герман считался пропавшим без вести, о нем ходили нехорошие слухи, будто он сотрудничал с красными и помогал им делать революцию, убивая женщин и младенцев. Но теперь ясно, что хотя бы один из этих Браунов умер приличной смертью. Это хорошо, спасибо за известие. А насчет кольца я думал, что это просто семейная сказка такая. Если найдете, можете оставить его себе, а стоимость просьба перевести на счет такой-то в «Дойчефолькбанк» в марках или долларах, только не в советских рублях. А за какую футбольную команду болеете вы, г-н Трофимов?..»

К письму прилагалось несколько превосходно откопированных на неведомом Ивану импортном аппарате газетных вырезок:

Ноябрь 1915 г. «Авиационный завод Браунов получил правительственный заказ на 22 миллиона марок»...

Март 1916 г. «Концерн ДФА поглотил автопромышленные предприятия Хамельна и Нинбурга»...

Июль 1916 г. «Знаменитый летчик-ас Герман фон Браун появился на благотворительном светском рауте в перстне, о котором ходит множество слухов»...

Январь 1917 г. «Тайны и загадки одного из самых влиятельных семейств Германии. Могло ли кольцо Браунов принадлежать когда-то библейскому Иуде?»...

Ноябрь 1917 г. «Глава концерна ДФА Генрих фон Браун: «Секрет нашего успеха – в каждодневной напряженной работе на благо Германии. А так называемый «перстень Браунов» – это просто семейная реликвия, наш талисман»...

Июль 1918 г. «Черный месяц Рейха. Крах промышленной империи ДФА совпал по времени с поражением германской армии в битве при Марне»...

Апрель 1920 г. «Разорившийся миллионер вскрыл себе вены в номере отеля»...

Август 1922 г. «Наследница империи Браунов помещена в психиатрическую клинику после попытки суицида»...

Октябрь 1922 г. «Автокатастрофа под Нюрнбергом: в сгоревшем авто марки «ДФА-Рокет» находилось семейство Вильгельма фон Брауна, производившего эти автомобили в 1916–1918 годах. Выживших в катастрофе нет»...

* * *

И как-то само собой все закрутилось, понеслось. С утра – работа, вечером – архив или библиотека. Все уверенней и звонче стучала в спальне Трофимова старенькая «Москва» в облупленной краске, доводя до белого каления соседей. Жаловались ли они в ЖЭК, молились ли они на спрятанные в кладовой бабушкины иконы, стучали ли неистово по батареям – о том неизвестно, но было им, соседям, небольшое послабление. В жизни Трофимова появилась та самая девушка из окошка услуг в Публичной библиотеке, что помогла ему когда-то с поиском ростовских газет. Звали ее Ирина, найти ее оказалось куда проще, чем благодарно расцеловать, как изначально мечталось Трофимову. Так что пришлось поводить сперва в кино и кафе, давая отдых себе и соседским нервам.

Но вот и первый поцелуй, и объятия, и признание, и, было дело, в один прекрасный майский вечер едва не пронзил тонкие кирпичные перегородки безудержный, похотливый скрип трофимовской пружинной кровати, который мог бы стать новой головной болью для соседей... Не случилось. То ли сильны оказались моральные устои молодого советского библиотекаря, то ли слишком уж щедрым показался ей этот аванс для пока еще не состоявшегося кандидата исторических наук. «Нет, Ваня, извини. Я считаю, сперва надо как-то устояться в жизни, а потом уже...»

А может, какая-то таинственная и могучая третья сила, опекавшая с некоторых пор Ивана Трофимова, убрала на время из его жизни помеху для научных поисков? Кто знает.

И опять застучала по вечерам машинка. Опять знакомый маршрут «работа – архив». Рукопись Рутке однозначно указывала направление дальнейших поисков. Иван поднял архивы Третьего отделения и Департамента криминальных дел Российской империи, где обнаружил протоколы следствия по «делу Боярова» за 1834 год...

Итак, ничем не примечательный рязанский провинциал Бояров прибывает в Петербург к дядюшке графу Опалову, владельцу «иудина» перстня и солидного состояния. Завладев дядюшкиным кольцом, юноша стремительно преображается: затевает кутежи, играет, активно приобщается к светской жизни. Звезда провинциала горит недолго: проигравшись однажды в карты, Бояров закладывает перстень князю Юздовскому, известному собирателю живописи и антиквариата. Наутро он является к князю с деньгами (дядюшка скоропостижно скончался – как вовремя! – и Бояров вот-вот унаследует его состояние), но тот возвращать перстень отказывается. Вздвигнутый Бояров вызывает его на дуэль. В последний момент Юздовского неожиданно настигают муки совести, он возвращает перстень и предлагает мировую. Но Бояров не соглашается и убивает своего обидчика метким выстрелом в горло. Боярова арестовывают, судят и ссылают на солдатскую службу на Кавказ, где следы его теряются...

Удивительный зигзаг судьбы обычного рязанского дворянчика! И знакомая уже по истории писаря Рутке схема: серая унылая личность заполучает перстень, стремительно распус-

кается цветами зла, творит какое-нибудь непотребство и... Рутке умер от сифилиса, Бояров лишился дворянства и стал каторжником (вряд ли он жил долго и счастливо). Наверное, это можно назвать неизбежной расплатой.

* * *

В январе 1965 года в журнале «Вопросы истории» вышла статья Ивана Трофимова «Революционер-одиночка Павел Бояров: отголосок декабризма или предтеча анархии?».

«...Итак, почему же Боярову не давало покоя это кольцо? Примитивная жажда обладания? Желание утвердить себя с помощью этого так называемого «символа удачи»? Не первое, не второе и не третье! Напротив: убив на дуэли известного реакционера князя Юздовского, личного друга Николая Первого, Павел Бояров сознательно отказался как от владения кольцом, так и от владения огромным наследством графа Опалова. Он бросил вызов не только институту самодержавия, институту самодовольного мещанства, но и (что требовало не меньшей смелости) институту мракобесия, взлелеянному царизмом и процветавшему под его опекой. Павел Бояров пожертвовал собой, чтобы продемонстрировать торжество человеческой воли над первобытными инстинктами. Увы, поступок настолько же благородный, насколько недалёковидный с точки зрения революционной борьбы...»

И так далее. Конечно, это была натяжка – мягко говоря. Дикая, нелепая, стыдная, но совершенно необходимая идеологическая натяжка.

«Бояров – революционер?! Да это голимое вранье!» – орал первое время Трофимову внутренний голос, ломкий и неуверенный голос студента-первокурсника. Но Трофимов давно уже не был студентом. Голос вскоре утих.

Статья вызвала некоторое оживление в академической среде, которое можно описать фразой: «Ах, сколько еще незаслуженно забытых имен в истории русской революции!»

Это можно было считать успехом.

* * *

И вдруг как гром среди ясного неба: профессор Сомов серьезно болен, лежит в Академичке, прогноз неблагоприятный. Трофимов приехал в больницу с коробкой шоколадных конфет и апельсинами, конфеты отдал сестре на посту – пустила ровно на пять минут.

Профессор его не узнал, напряженно смотрел мимо, беззвучно шевелил губами. Лицо пожелтело, высохло, спряталось за тяжелыми очками. Похож на инопланетянина, подумал Иван. Так и просидел все пять минут, пока не пришла медсестра. И только когда он встал, собираясь уйти, заметил, что Сомов держит его скрюченным пальцем за пуговицу на пиджаке, будто зацепился. Иван наклонился, осторожно взял его руку, легкую, холодную, хрупкую. И услышал тихое, как шорох бумаги:

– Мне уже не до идеологии, могу откровенно говорить... Ты теперь ищейка у него... Брось, брось... Берегись...

Трофимов долго потом думал над смыслом этой фразы. Если он здесь был, конечно, смысл. Первая реакция: Сомов бредит. Ищейка... При чем тут ищейка? И у кого это – у «него»? Но слова не давали ему покоя, и особенно последний жест профессора, когда он ухватился за пуговицу, словно утопающий за соломинку.

Сомов умер через день после визита Ивана. Хоронили на Новодевичьем кладбище. Старые университетские «тузы», многие из которых и сами приближались к последней черте, говорили прочувствованные речи, кто-то прочел стихи, написанные в молодости покойным (ого, Порфирий Степанович, браво!). Трофимов стоял в сторонке, среди студентов. Когда к гробу

подошел очередной оратор – импозантный, сравнительно молодой еще мужчина с крючковым носом и цепкими, пронзительными глазами, Трофимов услышал позади шепот:

– Дра-ась, сам Афористов пожаловал! Фу-ты, ну-ты!

– Это которого из Москвы поперли?

– Насчет поперли не знаю, но место Сомова на кафедре он займет, это сто процентов!

Теперь не соскучимся, будь спок!

Изогнутая, бормочущая очередь прощающихся, стук сухой земли о крышку гроба, сумбур в голове. Отряхнув руки, Трофимов поспешил к выходу. Нельзя сказать, что смерть Сомова как-то особенно поразила его, но гнетущее чувство потери, которую ему еще предстоит осознать в будущем, имело место. Хотелось побыть одному.

За воротами кладбища он заметил огромный, сверкающий хромом и черным лаком автомобиль, по всей видимости, американского производства. Сперва подумал даже, что это катафалк. Хотя нет, слишком пижонский вид для катафалка. К тому же водительская дверца открылась, из машины вышел... Как его, Амфоров?.. Афористов, вспомнил Иван.

– Здравствуйте, здравствуйте, товарищ диссертант!

Афористов вышел ему наперерез, протянул руку, как старому знакомому. Трофимов обалдело пожал ее.

– Можете не представляться, Иван Родионович, я знаю, кто вы. Наслышан и даже немного, как бы это сказать, начитан...

Не отпуская руку, Афористов откровенно разглядывал его, даже голову немного назад откинул. Кажется, вот-вот выдаст что-нибудь вроде: «Теперь немного развернитесь к свету... Еще на пару градусов, если можно...»

– Интересная тема, интересный подход... Рвение присутствует, что в наше время большая редкость... Я доволен. Главное, не расслабляйтесь, Иван Родионович. Очень не люблю, когда расслабляются. – Он отпустил руку, сделал шаг назад, прищурился, как художник, разглядывающий свежий мазок на полотне. – А теперь можете идти. Ищите, торопитесь. Работайте, Иван Родионович.

Не оглядываясь, Афористов сел в машину и уехал. И подвезти не предложил. Иван, не моргая, смотрел на удаляющуюся корму лимузина. Что это было? К чему? Откуда этот Афористов его вообще знает?

Когда машина скрылась из виду, он наконец смог пошевелиться. Побрел к остановке. Сел в подошедший автобус, поехал домой. Постепенно до него дошло: а ведь знакомый голос у этого Афористова – густой сочный бас... Как у той кондукторши. Стало быть, очередной сеанс чревовещания?

Но кто стоит за этим? Он отогнал дурные мысли, которые не могут прийти в голову советскому ученому-атеисту, исповедующему диалектический материализм.

* * *

У соседки, которая больше всех возмущалась стуком его печатной машинки, незаметно подросла дочь, поступила в музыкальную школу. Купили ей старенькое немецкое фортепиано, гулкое и дребезжащее... Гаммы и этюды, менуэты и сонатины с семи до десяти вечера, включая выходные.

Теперь на Трофимова никто не жалуется. Он больше не дятел и не долбо...б. Он нормальный мужик. Звук его машинки – как мелодия из старых добрых времен, когда все были моложе, добрее, а водка была дешевле. Вздумай он вдруг постучать среди ночи – в ответ из соседских комнат и квартир раздадутся восторженные аплодисменты. Впору устраивать концерты по заявкам.

Мораль: «стук-стук-стук» народу нравится больше, чем менуэт соль-минор И. С. Баха.

...В первые дни нового, 1967 года в «Историко-философском ежегоднике» вышел очерк «Опаловщина. История одной секретной аудиенции Наполеона».

Делать из графа Опалова революционера было бы совсем уж глупо. Да и нужды нет. С графом все предельно ясно: уважаемый, казалось бы, человек, москвич, в то же время типичный чиновник царской администрации (реакционер? Конечно, реакционер!), он доносит французским оккупантам на группу русских патриотов, готовящих поджоги в захваченной врагом Москве. Патриотов расстреливают, графа принимает сам Наполеон, благодарит за службу, в знак благодарности преподносит ему «иудин» перстень, сняв его с руки одного из своих генералов. Опалов, седой вдовец с одышкой, вдруг преображается, проделывая знакомый путь через безудержные кутежи, скандалы и славу первейшего развратника – к смертному одру. Мораль: вот она, гнилая сущность царского чиновничества.

Изюминка в том, что Опалов никогда и никому не признавался в своем предательстве. Встреча с Наполеоном в его собственной версии выглядела как приглашение к сотрудничеству (со стороны Наполеона) – и исполненный негодования решительный отказ (со стороны Опалова). Якобы разъяренный император уже готов был собственноручно расправиться с «упрямым русским канальей», но мужество графа настолько поразило его, что он отпустил его на все четыре стороны и даже преподнес подарок *en souvenir*... Как ни печально, эта версия обрела официальный статус. А граф Опалов, несмотря на свою дурную репутацию, заработанную позже, считался чуть ли не героем Отечественной войны. В дореволюционной географии Петербурга значились Опаловский переулок и сквер имени Опалова, в Петербургском университете была учреждена Опаловская стипендия для иногородних студентов, финансируемая из графского наследства... Царизм, что с него возьмешь!

Чтобы докопаться до сути, Трофимову пришлось изрядно потрудиться. Мемуары, частная переписка, показания свидетелей по делам о государственной измене (в Москве после оккупации 1812 г. таких дел были тысячи), а также некоторые французские источники. И вот тут профессор Живицкий в очередной раз включил свои международные супервозможности и помог раздобыть копию очень редкой книги воспоминаний французского полкового лекаря Жака Моро, единственный уцелевший экземпляр которой хранился в городском архиве Сен-Дени под Парижем.

Это было чудо из чудес. Лекарь Моро водил личное знакомство с наполеоновским генералом Годе, с чьей руки был снят подаренный Опалову перстень. То есть не снят, если быть точнее, а – содран вместе с мясом, что привело к воспалению и смерти. Впрочем, по словам Моро: «...члены генерала уже были поражены неведомой мне инфекцией, и пальцы сильно распухли, от коей инфекции он впоследствии и скончался...»

* * *

Еще через два года, в 1969-м, в «Академическом обзоре новой и новейшей истории» вышел его «Тоннельный метод погружения в исторический процесс. Один артефакт, один миф, три эпохи». Краткая выжимка из первых двух публикаций плюс более развернутое исследование на основе воспоминаний Жака Моро... Плюс заключительная часть, которую сам Трофимов считал программной для своей диссертации. Перстень – как тоннель, как колодец, через который исследователь глубже и глубже погружается во тьму веков.

Статья подверглась жесткой критике. За попытку подмены марксистского научного подхода «дешевой майнридовщиной». За «подмену истории *историйками*». Ну и за «подмигивание западным историческим практикам» – на закуску.

В «Вестнике Ленинградского отделения АН СССР» был опубликован фельетон «Историк без головы». Трофимов долго не мог заставить себя прочесть его. А когда прочел, у него волосы зашевелились на голове. Он был уверен, что... Нет, о защите диссертации теперь речи

вообще быть не могло. Речь, насколько он понимал, шла о его дальнейшем нахождении в рядах работников научно-исторического учреждения. Вообще – в рядах. О его свободе.

Пошли слухи, что будут снимать редактора «Академического обзора».

Железная Ната рвала на себе волосы, что не уволила Ивана сразу после письма Тауберу... «Но, может, еще не поздно!»

И вдруг все прекратилось. Профессор Афористов, мировое светило, лауреат всего на свете (включая Сталинскую премию и премию Балзана), ныне завкафедрой истории ЛГУ, выступая на симпозиуме в Лозанне, упомянул в своей речи «тоннельный метод Трофимова». Упомянул в деловом, так сказать, ключе. Как устоявшийся научный термин. И всего один раз.

Этого оказалось достаточно.

Редактора «Академического обзора» сразу оставили в покое. Зато сняли редактора «Вестника». Автора фельетона перевели в заводскую многотиражку. Западноевропейскому отделу Эрмитажа выписали премию за перевыполнение плана по публикациям. И, как апофеоз, Трофимов однажды поймал на себе странно влажный (влажно-горячий, если быть точнее) взгляд Железной Наты...

В общем, можно было продолжать работать.

Глава 4

Защита диссертации

«Время разбрасывать камни и время собирать камни...» Нет, эта фраза из Библии, она не приветствуется в обществе атеистической идеологии, и употреблять ее нельзя. Просто: «Всему свое время». И ему пора становиться кандидатом наук, матереть, набирать научный вес и авторитет. Невольно подводишь итоги предыдущей жизни.

Итак, в октябре ему стукнет тридцатник. Семь лет он отдал работе над диссертацией. Пропавшему экспонату № 6254875-ВТ, который так и не найден за это время. Кажется, его уже перестали искать. Что было за эти семь лет, кроме работы?

Появились залысины, довольно глубокие. Очки. Он носит их с собой в кармане пиджака, надевает во время работы. Пока еще так. Набрал килограммов пятнадцать весу. Он уже не тот худощавый «эмэнэс», каким был когда-то. Погрузнел. Кстати, молодое поколение, к которому он, кстати, уже не принадлежит, вместо «эмэнэс» употребляет другой, более короткий и звучный жаргонизм – «мэнс». С точки зрения русского языка вульгарно, зато с точки зрения английского – великолепно (то есть – клево, иськьюз ми!). Но нынешний Трофимов – не «мэнс» и не «эмэнэс», он перешагнул на следующую должностную ступеньку и теперь зовется не младшим, а просто научным сотрудником. «Наус», по новой терминологии.

Что еще? Посолиднел, бреется дважды в день, носит костюм и галстук.

Ах да. Женится. Конечно, на Ирочке. После полутора лет молчания и полной заморозки отношений – позвонила сама.

«Но у меня еще не все устоялось в жизни», – честно предупредил он.

«Главное, чтобы не перестоялось, – заявила она. – У тебя квартира сегодня вечером свободна?»

Что с ней случилось? Может быть, претендентов на руку и сердце оказалось меньше, чем она ожидала? Или... или вмешалась таинственная «третья сила», решившая, что женитьба на сотруднице Публичной библиотеки пойдет на пользу работе... В том, что эта неведомая сила существует, он был уверен, хотя никому о ней, точнее, о своих догадках не рассказывал.

А польза работе несомненная! Ирка – русалочка в бумажном море. А он – ее сухопутный принц. Пожелтевшая, ломкая, обугленная временем архивная бумага – ее стихия, ее дом. Вся чопорная библиотечно-архивная фауна, все эти книжные черви, моллюски и прочие троглодиты приходятся ей если не родней, то знакомыми или знакомыми подруг. Она ныряет в самые бездны и появляется на поверхности с какой-нибудь драгоценной жемчужиной в зубах. Именно Ирка собрала по крупицам бесценный архив по Москве 1812 года, который позволил ему вывести на чистую воду графа Опалова...

Детей нет. Снимают однокомнатную квартиру в районе площади Восстания, стоят в очереди на жилье, их номер три тысячи какой-то там.

Нравится ему семейная жизнь?

Можно сказать, да. Жить можно. Главное, что Ирка никогда не устраивает скандалов, это не в характере отважной, но хрупкой бумажной русалочки...

Трофимов с изумлением обнаружил, что, несмотря на залысины и обозначившийся животик, он вдруг стал пользоваться успехом у женщин. Ни с того ни с сего. А ведь ему и в самом деле иногда необходима разрядка, не столько физиологическая, сколько эмоциональная. Чтобы не чувствовать себя тоже каким-нибудь бумажным червем...

Но – твердый принцип: «поиграл, положи на место». Легкая интрижка, не более. Вечер, другой, месяц от силы. Бабы бабами, а Ирка Иркой. Это святое. Обижать ее, а тем более отправлять в отставку он не собирается.

И «третья сила», кажется, с ним полностью согласна. Женщины, которые ему попадаются, – исключительно легкие, милые существа, которые отлично танцуют твист и шейк, восхитительно раскованы в постели, всегда в курсе последних модных тенденций, включая кино и театр... Но никогда ни на что не претендуют. Просто в силу своих возможностей и функций тоже по-своему помогают ему в работе.

Он что-то еще забыл?

Кажется, нет. Если и забыл, значит, не важно.

Истина в том, что на самом-то деле ничего значительного в его жизни за эти семь лет и не было... Кроме перстня. Он смысл всего, стержень всего. Он, один-единственный. Все остальное лишь зыбкий размытый фон.

Даже жутко немного.

* * *

И вот наконец наступил день защиты диссертации.

Выступление давалось легко. Буквально пару раз заглянул в текст, да и то чтобы скрыть вдруг напавшую нервную зевоту. Слова представлялись ему звеньями якорной цепи, намотанной на брашпиль, закрепленный где-то у него внутри. (В области мозга, надо полагать, хотя ему почему-то представлялся желудок. Наверное, потому, что не успел позавтракать.)

Итак, якорь сброшен, цепь разматывается, брашпиль вращается. Все происходит само собой. Его задача лишь в том, чтобы не свалить ненароком кафедру, за которой он стоит, не сутулиться и широко открывать рот, не мешая прохождению цепи.

Ощущение бездонной глубины под ногами – единственное, что напрягает.

Дна нет. По крайней мере, он не чувствует его. Не может представить.

Цепь закончится, вал брашпиля дернется, качнется и замрет. Якорь беспомощно повиснет в глубине.

Он смог отследить путь перстня до 1799 года... Египетский поход Наполеона. Люсьен Года, тогда еще поручик, а не генерал, получил из рук еврея-менялы серебристый перстень с овальным черным камнем необычной огранки...

И на этом все.

Под якорем остается девять десятых глубины. Тысяча семьсот девяносто девять лет.

Или больше? Перстень звался «иудиным», это верно, но... что, если он существовал еще до Иуды?

Брут.

Диктатор Луций Сулла.

Заговорщик Катилина.

Герострат.

Какой-нибудь Аммуна, вероломный хеттский царь.

Неолитический земледелец Каин.

Большой взрыв, в конце концов?..

На улице пошел ливень. Трофимов стоял спиной к окну, он только слышал, как вода яростно забарабанила по крышам и асфальту, как внезапно потемнело в аудитории. Профессор Сивой, официальный оппонент, сидел ближе всех к выключателю. Протянул руку, не вставая, и не дотянулся. С хмурым видом Сивой поднялся, под потолком буднично вспыхнули плафоны.

«Пора закругляться», – подумал Трофимов.

Аудитория была набита битком. Члены Совета, оппоненты, Живицкий с какой-то древнегреческой богиней под ручку, все остальные – студенты, преподаватели, какие-то трудно идентифицируемые личности с портативными магнитофонами и микрофонами... КГБ, что ли? Трофимов надеялся, что нет.

Насчитал семь довольно симпатичных студенток. К концу доклада пришел к выводу, что все-таки пять. Но пять – это железно. Все что-то записывают в блокноты. Одна, худенькая брюнетка, стенографирует, не отрывая от него огромных, как у Одри Хепберн, удивленных глаз. Хотя, казалось бы, смысл? И текст диссертации, и автореферат есть в университетской библиотеке. Но все равно приятно. Хотя, говорят, они ходят на защиты не из интереса к науке, а в поисках семейной половины среди перспективных ученых.

Трофимов посмотрел на часы, закончил фразу и замолчал. Налил воды из графина, отпил.

Цепь звякнула и застыла. Якорь болтался над бездной.

Рука симпатичной брюнетки послушно замерла над блокнотом.

– Конечно, я мог бы во всех подробностях пересказать содержание своей работы. С огромным удовольствием, – Трофимов сдержанно улыбнулся. – И столько же рассуждать о ее значении для исторической науки. Поверьте, и то и другое – темы бесконечные. Но нас впереди еще ждет, как я надеюсь, интересная дискуссия.

При этих словах Сивой оскалился, как настоящий кинозлодей.

– Поэтому, если позволите, у меня все.

Он повернулся к председателю Совета Вышеградскому. Профессор Вышеградский в это время шептался о чем-то с оппонентом Рынкевичем. Закончив (далеко не сразу), он поднял голову, посмотрел поверх очков на Трофимова, посмотрел в зал, словно вспоминая, какое сегодня число и где он находится.

– Хорошо, спасибо, – провозгласил он громко. – Прошу задавать вопросы.

Вопросы задавали вяло.

– Почему избрана столь странная тема?

– Где этот мифический перстень? Изучала ли его современная наука?

– Действительно ли Бояров похож на революционера?

Ну, и так далее. Трофимов отвечал быстро, не задумываясь, аж от зубов отскакивало. Слабый ручеек вопросов быстро иссяк.

– Теперь прошу высказаться официальных оппонентов, – предложил председатель.

«Ну вот, – сказал себе Трофимов. – Началось...»

Первым выступал Рынкевич.

– ...Нельзя не признать, что соискателем проделана большая исследовательская работа...

...на примере Павла Боярова внимательно, сосредоточенно всматривается в славное революционное прошлое нашей страны...

...автор беспощаден к порокам царского строя...

...однако сам по себе легкий, детективный стиль подачи материала настораживает. Какие огрехи пытается скрыть автор, подбрасывая читателю в качестве приманки лихо закрученный сюжет?

...всеядность как следствие отсутствия опыта. А также отсутствие концептуального каркаса, который объединил бы таких разных персонажей, как благородный революционер-одиночка Бояров и символ развращенности граф Опалов...

...поэтому считаю, что надо хорошо обдумать – можно ли соискателю присудить ученую степень кандидата наук, если в пересчете на школьные баллы – да будет мне позволено такое упрощение – диссертационная работа Трофимова заслуживает оценки «удовлетворительно». Спасибо за внимание.

Несколько жидких хлопков. Рынкевич сел на место, бросил вопросительный взгляд на Вышеградского. Тот медленно прикрыл тяжелые веки. Что именно означал этот молчаливый диалог, Иван не понял. Наверное, ничего хорошего.

– Мужайтесь, Иван. Еще не все потеряно, – процедил сидящий рядом Живицкий. – У них так принято – холоду нагонять...

Трофимов невесело кивнул.

К трибуне выходил второй оппонент – главный злодей спектакля под названием «Защита диссертации». Профессор Сивой, до прошлого года возглавлявший редакцию «Вестника Ленинградского отделения АН СССР» и смещенный с этой должности после скандала с Трофимовым, никогда не скрывал своего отношения к его научному труду. И к нему лично.

Полный, благообразный, с чрезвычайно здоровым цветом лица и пустыми глазами игрушечной мартышки, он некоторое время молча взирал на аудиторию с высоты кафедры. Предвкушал торжество расправы?

– Итак, работа, которую мне сегодня предстоит оценить перед уважаемым диссертационным Советом и представительной аудиторией, носит название «Артефакты мировой религии. Мифы и реальность», – приятно пробаритонил он, артикулируя каждое слово. – И первый вопрос, который возникает при прочтении... Мифы – да, пожалуй. Вернее – миф, один миф, в единственном числе. Миф о некоем «иудином» перстне. Который, кстати, находится неизвестно где, так что проверить экспериментальным путем его чудодейственные свойства мы не можем.

Сивой открыл рот... и улыбнулся, словно что-то вспомнил. Поднял руку, неопределенно взмахнул указательным пальцем, прислонил его к верхней губе в задумчивом жесте. Так рассказчик дает понять, что сейчас выдаст нечто забавное, возможно, парадоксальное. Возможно, для кого-то не очень приятное. Он еще раздумывает, как точнее выразить мысль, кокетливо мучает публику.

– Итак, миф есть, – промурлыкал наконец Сивой, оторвав палец от губы. – А где же реальность, товарищи?

«Вот козел!» – подумал Трофимов.

Следующие полчаса Сивой топил его – сладострастно, жестко, умело, давая иногда вздохнуть, чтобы продлить агонию.

В общем-то, недостаток у данной работы всего один. Она просто никуда не годится. От начала и до конца. Поскольку научной работой, в строгом смысле этого слова, не является. Наука основывается на фактах. Товарищ Трофимов же апеллирует к свидетельствам людей малообразованных, к рассказам, домыслам, признаниям, мемуарной литературе, протоколам царской охраны. И пытается выстроить на этом зыбком фундаменте... Что?

Собственный миф, товарищи. О якобы inferнальной природе исследуемого артефакта, его пагубном влиянии на человеческие души... Я хорошо умею читать между строк, товарищ Трофимов, и я расшифровал ваше скрытое послание. Есть дьявол, значит, есть Бог. Дьявол – зло, значит, Бог – добро. А если так, значит, идите, товарищи в церковь, дружно в ногу...

И здесь я должен вас огорчить, товарищ Трофимов: вы далеко не первый, кто проповедует богоискательство. Личности куда более крупные, заметные, чем вы, уже застолбили этот островок бесплодной земли. Здесь и Мережковский, и Минский, и Бердяев, и Зинаида Гиппиус... Боюсь, вам на этом островке места уже не осталось, разве что на верхушке какой-нибудь пальмы... Так что даже в этом, весьма спорном, контексте вами не сказано ничего нового...

Иван слышал все это как сквозь вату. Сердце тревожно колотилось.

Весь доклад он просидел, уткнувшись взглядом в пол, бледный, застывший, взбешенный. Члены диссертационного Совета, напротив, реагировали оживленно. Кивали, улыбались, иногда кто-то даже всхлипывал негромко – видимо представив себе Трофимова в набедренной повязке папуаса, взбирающегося на одинокую пальму...

– Секундочку! А вы сам, товарищ Сивой, собственно, за какую команду болеете – за Бога или за дьявола?

Он сперва даже не понял, что к чему. Последние полчаса голос доцента Сивого уверенно трубил победный марш, трубил, трубил – и вдруг кто-то швырнул картофелину прямо в сверкающий медный раструб...

Пф, пф, пф... Труба заглохла.
Гробовая тишина.

Сивой сжал рот и запунцовел, как узбекская черешня. Аудитория с шумом развернулась в сторону, откуда прилетел вопрос. И замерла.

Это был профессор Сергей Ильич Афористов собственной персоной. В летнем кремовом костюме, легкомысленной синей рубашке в белую полоску, из-под которой выглядывал еще более легкомысленный яркий шейный платок – цветная фреска на серой бетонной стене. Никто не заметил, как он появился в зале.

– Простите... Видимо, вы плохо меня расслышали, товарищ Сивой? – Афористов легко взмахнул рукой, словно по-приятельски приветствуя оратора. И повторил нарочито громко, как слабослышащему: – За какую команду болеете?

Сивой с достоинством прокашлялся, буркнул:

– Спасибо, я здоров! Чего и вам желаю!

– То есть ни вашим, ни нашим! Браво!

Афористов картинно зааплодировал, высоко подняв руки. Обалдевший зал замер, переваривая сказанное, помедлил секунду-другую... и вдруг сорвался в овацию – неожиданно бурную, истеричную, даже пугающую своей спонтанностью. Будто здоровенный кусок Дворцовой набережной со всеми постройками и прогуливающимися по ней гражданами ни с того ни с сего рухнул в Неву...

И громом прокатился над этой стихией густой бас Афористова:

– Работник советского вуза, профессор, доктор философских наук товарищ Сивой ничто отрицает категории добра и зла!

– Я убежденный марксист! – выкрикнул Сивой каким-то ломающимся, мальчишеским фальцетом. – Я мыслю категориями классовой борьбы! А не всякими фантиками!

– Фантики, вот как! То есть вам все равно – Альенде или Пиночет, Кастро или Батиста, Ленин или Ницше, истина или ложь?

– При чем тут это?

Сивой растерялся, пригнул голову, словно хотел спрятаться за кафедрой.

Поднялся Вышеградский, тоже посеревший, напуганный, постучал карандашом по графину с водой: «Товарищи, товарищи!...»

– При том, товарищ Сивой, что истина – добро, а ложь – это зло! – пророкотал Афористов.

Кто-то тронул Ивана за плечо, он вздрогнул, оглянулся. Живицкий смотрел на него удивленно, кивнул на Афористова: что тут вообще происходит? Откуда такая поддержка? Иван пожал плечами. Он ничего не понимал. Как будто на окружающую вражескую пехоту вдруг выкатился тяжелый танк. Собственно, так оно и было: Афористов мог считаться танком.

...Его боялись и уважали. Уважали безмерно. Преклонялись и поклонялись. Историк планетарного масштаба с абсолютной интуицией, фантастической памятью, безграничными знаниями, который, казалось, не столько изучает историю, сколько припоминает ее, как собственное детство или юность... Автор ставших уже классическими трудов по Древнему Египту, Палестине и Междуречью...

И так же безмерно его боялись. Трепетали. Афористов был знаменит не только своими трудами и открытиями, но и тем, что добился лишения всех ученых степеней для нескольких известных московских академиков, уличив их в еретическом противоречии постулатам исторического материализма. При этом сам никогда не скрывал своего... прохладного, скажем так, отношения к марксизму как научной дисциплине. Что непостижимым образом сходило ему с рук.

Он зарубил десятки, если не сотни диссертаций. Уволил с формулировкой «за идеологическую незрелость» целый отдел Института истории во главе с заведующим. Ходили слухи,

будто именно Афористов, как лицо, приближенное к Сталину, являлся одним из идейных вдохновителей кампании «по борьбе с космополитизмом» – за что позже якобы и поплатился, будучи низвергнут со всех административных постов и сослан в Ленинградский университет...

Афористов – Великий и Ужасный.

Гений и злодей.

Так что реакция зала на его появление объяснима. Масштаб этой личности, ореол ученой славы и скандальности, окружающий ее, просто несовместимы с масштабом проходящего здесь мероприятия. Ах, ну да – когда-то он косвенно вступился за Трофимова в связи с публикацией «Тоннельного метода»... Но вряд ли это было сделано осознанно, с упором на личность Трофимова. Почему? С какой стати? Этого просто не может быть.

– ...Вот как раз об истине как категории добра я и хотел поговорить с вами, товарищи в ходе научной дискуссии!

Афористов широким шагом спустился к кафедре, с вежливым «простите» невежливо отодвинул в сторону оторопело собирающего свои бумаги Сивого.

– А истина, товарищи, состоит в том, что перстень, о котором написал наш диссертант, и в самом деле принадлежал историческому Иуде! – объявил он, сверкнув ослепительной улыбкой. – Не библейскому Иуде, подчеркну, поскольку я выступаю здесь не как богослов, а как историк. Именно историческому Иуде Искарриоту, уроженцу иудейского города Кириафа, чьи жизненные рамки можно обозначить, не углубляясь сейчас в ненужные подробности, первыми тремя десятками лет нашей эры... «Иудин» перстень – подлинный предмет той эпохи, который молодой ученый Трофимов открыл для мировой науки. Нисколько не сомневаюсь, что этому открытию будут посвящены публикации в ближайших номерах таких авторитетных изданий, как «Nature» и «Science». Однако никто из наших уважаемых оппонентов почему-то даже не обратил внимания на такую, простите, мелочь!

Он наклонился к Сивому – все вдруг с удивлением обнаружили, что второй оппонент – настоящий коротышка, – с издевательской и даже страшной гримасой ухмыльнулся ему прямо в лицо, отчего тот вздрогнул и попятился.

– Среди собравшихся нет специалистов по ювелирному делу, потому я не хочу сейчас обсуждать особенности гравировки и уникальную «чешуйчатую» огранку камня... Которые, впрочем, ясно и однозначно указывают даже не на эпоху, а на конкретного мастера, жившего в Иудее в период прокуратуры Понтия Пилата... Но, думаю, для собравшихся куда убедительней будут показания научных приборов. К примеру, газового хроматографа Ленинградского института физики АН СССР, на котором перстень был исследован под руководством профессора Козицына. Согласно его заключению, перстень датируется первым веком нашей эры.

Афористов извлек из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист бумаги, развернул и выставил перед собой в вытянутой руке. Словно голову казненного.

– А почему тогда заключение не упоминается в диссертации Трофимова? – крикнул с места Рынкевич.

Иван вскочил с места, не успев даже понять, что собирается говорить. Совершенно не представляя, откуда Афористову может быть известно о том его давнем походе в Институт физики, не говоря уже о результатах спектрального анализа... Но тут он услышал собственный голос, спокойный, даже въедливый немного, будто записанный на магнитофонную пленку когда-то ранее, в совершенно другой обстановке:

– Очевидно, потому, товарищ Рынкевич, что в данной работе я решал задачи иного плана... Историко-философского, скажем так. Что же касается вопроса о происхождении перстня и судьбы Иуды Искарриота, то он заслуживает отдельного исследования...

Это было нарушение регламента – ему следовало ждать заключительного слова. Но в следующий момент он совершенно изумил себя и аудиторию, выдав:

– Возможно, это будет темой моей докторской диссертации.

Между членами Совета пробежал легкий шумок: такое заявление соискателя кандидатской степени, присуждение которой и так под вопросом, рассматривается как беспардонная наглость и увеличивает количество «черных шаров» при голосовании. И зачем он это брякнул?

Трофимов тоже это осознавал и тоже не понимал, зачем он вылез с этой дерзкой репликой. Как будто кто-то произнес вызывающую фразу вместо него!

В последующей дискуссии выступил научный руководитель, предложивший поддержать соискателя, и несколько членов Совета, которые занимали неопределенную позицию: с одной стороны – да, многое диссертантом сделано, но с другой – осталось и немало пробелов, так что каждый пусть голосует по своей оценке и собственной совести... Это был плохой признак. И то, что остальные члены Совета не высказывались, а рисовали что-то в своих блокнотах, возможно, чтобы не встречаться ни с кем глазами, тоже являлось плохим признаком.

Председатель объявил перерыв для тайного голосования и попросил всех, кроме членов Совета, покинуть зал. Публика вышла в коридор. Судя по звучащим репликам, никто из научной братии не ждал благополучного исхода голосования.

– Прокатят, сто процентов прокатят!

– Зачем он про докторскую сказал? Это же вызов! Все только обозлились...

– Хорошо, если хоть половина проголосует «за»... Надо две трети, но хоть не с «сухим» счетом...

– А если ни одного «белого» шара не окажется? Тогда научному руководителю от позора не отмыться...

Трофимов нервно ходил взад-вперед, как сдавший партию гроссмейстер. При его приближении разговоры замолкали. Как-то боком подошел озабоченный Живицкий:

– И черт тебя дернул ляпнуть про докторскую! – процедил он. Потом взял под локоть: – Успокойся, на этом жизнь не заканчивается. В крайнем случае через год выйдешь на повторную защиту...

Через пятнадцать минут секретарь пригласила всех в зал, и председатель счетной комиссии профессор Целков объявил результаты тайного голосования:

– Девятнадцать – «за», против – нет, воздержавшихся нет. Товарищу Трофимову единогласно присуждена ученая степень кандидата исторических наук! – Целков ошалело потряс головой и снова заглянул в протокол, будто не веря тому, что сам произнес. – Да, единогласно...

Наступила гнетущая тишина. Члены Совета склоняли головы друг к другу и бесшумно перешептывались.

– ...Уррра-а-а!!!

Это закричали неискушенные студенты, которые не понимали подтекста происходящего, а просто ставили на место диссертанта себя при защите дипломной работы.

Трофимов улыбался во весь рот, это было похоже на лицевую судорогу, он не мог произнести ни слова и только бесконечно поправлял и протирал запотевающие очки.

– Заседание Совета объявляется закрытым! – хриплым голосом объявил Вышеградский.

Пространство аудитории сразу раздвинулось. Студенты и зрители со стороны покидали зал, у выхода топтались черно-белой пингвиньей стайкой члены Совета в темных костюмах, белых сорочках и черных галстуках. Гудят, бурчат вполголоса, в глаза друг другу стараются не смотреть. Явно растеряны. Чуть в стороне Целков, подняв плечи и разведя руки, оправдывается в чем-то перед Вышеградским. Сивого и след простыл. Широко улыбаясь, подошел Живицкий, зашептал горячо в ухо:

– Не знаю, что у них случилось, но это просто чудо! Дело шло к полному, разгромному провалу! В моей практике такой поворот впервые!

Научный руководитель исчез, несколько студентов и двое незнакомых солидных мужчин подошли с поздравлениями. Какие-то личности с портативными магнитофонами. Пять заслу-

женных красавиц томно улыбались. Ага, вот и девочка с удивленными глазами. Трофимов впился в нее взглядом, ожидая, что сейчас она почувствует и...

Его толкают в плечо.

– Иван Родионыч, где посуда?!

Живицкий, словно булавой, размахивал над головой бутылкой шампанского. Его древнегреческая богиня, скосив глаза к переносице, сосредоточенно прикуривала сигарету, заправленную в длинный мундштук.

«Здесь курить нельзя, – растерянно подумал Иван. И тут же, без всякого перехода: – Я защитился!!! Братцы, семь лет!!! Я сделал это!!!»

Ирка, запыхавшаяся, только что прилетевшая с работы с двумя спортивными сумками («Ой, у нас переаттестация, никак не могла раньше!»), радостно загромычала бокалами и стаканами.

– За нового кандидата! За Ивана-победителя!

От волнения он осушил свой бокал залпом. Шампанское как-то странно обожгло горло и сразу ударило в голову. Иван открыл рот, выпучил глаза, закашлялся. Похоже, это было не шампанское.

– Нет, а что вы хотели, молодой человек? Глушить сладкую шипучку после такой победы?!

Где-то рядом испуганно хлопотала Ирка:

– Ой, Ванечка, Ванечка, ты как, в порядке?

А прямо перед ним расплывалось, ускользая из фокуса, довольное, похохатывающее лицо Афористова.

– До дна выпил? Пр-р-равильно! Напиток победителей!

Заливисто хохочет Железная Ната. Откуда взялась? Когда Трофимов приглашал ее на защиту, отказалась под благовидным предлогом – видно, кто-то шепнул, что будут проблемы. Сейчас вдруг примчалась, видно, опять шепнули (кто же это такой осведомленный шепчущий?) С Натой Петро и Николай.

– Ну что, старик, теперь в нашем подвале опять кандидат сидеть будет, а?!

Намек на Киндяева – тот был кандидатом. Неуместно как-то, нехорошо, после того как беднягу разорвал лев...

Петро подмигивает: наливай!

Трофимову кажется, что зал по-прежнему полон, как во время защиты. Никто не расходится. Все словно чего-то ждут.

А он даже не готовился. Вообще никак. В кармане двадцать пять рублей. Домой, что ли, вести эту ораву? Так ведь и дома шаром покати... Сам Живицкий, каналья, говорил ему: никаких ресторанов, никаких банкетов, плохая примета, не защитишься!..

А сейчас размахивает уже пустой бутылкой. Куда-то зовет.

– Ирка, что делать будем?

– Как что? Идем в факультетскую столовку. Афористов уже распорядился, там столы накрывают...

– Как Афористов? Почему Афористов?

– Как почему? – Ирка удивленно смотрит на него. – Он ведь завкафедрой, его все слушаются!..

И вот они уже спускаются по темной лестнице, большая шумная компания. Впереди громыкает голос Афористова:

– А как же без банкета? Это совсем неприлично, без банкета! Насколько помнится, в Болонье еще в XII веке... Да, да, еще при светлой памяти ректоре Вернерии новоиспеченных докторов права обязательно чествовали праздничным обедом! Мортаделла, «венерины пупки» и непременно – старая граппа-стревеккья!

Глава 5

Банкет

В столовой вспыхивают, мигают полусонно люминесцентные лампы, столы с алюминиевыми ножками сдвинуты буквой «П», скрипят и визжат стулья, гулко перебиваются голоса на кухне. Гости рассаживаются. Донельзя вельможный Афористов, похожий на заезжую оперную знаменитость, втолковывает что-то огромной поварихе. Такое впечатление, что говорит по-французски. Бешамель, беарнез, рататуй. На лице у поварихи испуг, паника, однако кивает согласно: все будет сделано.

На столах мясная, рыбная и сырная нарезка, пиво, водка. Незнакомый мужчина с кавказскими усиками, по виду таксист, занес ящик коньяка. Столовая взрывается дружными аплодисментами. Из портативного магнитофона, стоящего у окошка раздачи, льется негромкая музыка. Трофимов стоит навтыжку, с отвращением вдыхая коньячные пары из чашеобразного сосуда, который он держит на уровне груди. Сосуд удивительным образом напоминает древнегреческий скифос, хотя совершенно непонятно, откуда он тут взялся.

А по другую сторону стола Афористов уже говорит тост:

– ...«Иудин» перстень интересовал меня давно. Какие-то намеки в апокрифической литературе, в персидских хрониках, в староанглийской народной поэзии... И – в городских легендах нового времени. Даже в современном блатном фольклоре. Очень, очень любопытно. Только все как-то не было времени взяться за это дело всерьез... И вдруг до меня доходят слухи, будто некий сотрудник Эрмитажа, вчерашний студент, зацепился за мой перстень и уже вовсю роет, как молодой терьер, только комья в стороны летят! Вот, думаю, сгною нахала. Изничтожу. Как он посмел замахнуться на мою добычу, я ведь первый на нее лапу наложил!.. А потом, знаете, даже интересно стало. Смотрю: получается у него. В самом деле что-то нарыл. От ростовского бандита Седого протянул ниточку к офицеру-белогвардейцу, к фон Брауну этому несчастному... Так, думаю, наш Трофимов, чего доброго, и к аламутским фидаинам дотянется, и к лекарю иерусалимскому, и дальше копать пойдет!

Афористов пробуравил Ивана черными глазами, улыбнулся.

– Давайте выпьем за молодого ученого, перед которым открылась бесконечная бездна... Бездна человеческой истории. За его долгий, полный приключений и открытий путь вниз, к истокам!

Трофимов едва не перебивает его:

– Погодите, о каких фидаинах вы говорите, Сергей Ильич? О каком лекаре?

– Ну а как, по-вашему, перстень попал к наполеоновскому поручику Годе? – смеется Афористов. – Не от самого же Иуды Искарота?

Ивану все равно ничего не понятно. Он хочет спросить еще, но в руку вцепляется Железная Ната, увлакивает в сторону.

– Откуда ты его знаешь? Вы что, родственники? Он тебе помогал, да? Ну ты, Трофимов, вообще! То Сомов, то Афористов! Откуда такие знакомства, признавайся!

– Да мы едва знакомы, Наталья Ивановна! – Он пытается вырвать руку, но Ната впиалась в него, как клещ. – Однажды встретились случайно на Новодевичьем, когда Сомова хоронили... Глупая какая-то, непонятная встреча... И до сегодняшнего дня больше не виделись и не разговаривали ни разу!

Раскрасневшаяся Ната грозит ему пальчиком:

– Ой, темнишь ты, Трофимов...

И чувственно поглаживает его запястье, отчего у Ивана начинается приступ паники.

А вокруг все бурлит. В углу возле раздаточной молодежь ломает шейк. В центре стола скворчат на блюде зажаренные целиком молочные поросята с пучками петрушки во рту...

Какая-то рыбина вроде осетра выгнула шипастую спину... Целая батарея высоких бутылок в пыли и паутине, словно только что из винного погреба ... Откуда все это?!

Трофимов взглянул на сосуд, который до сих пор сжимал в руке. Чернофигурная роспись в тоненькой сетке трещин, отколотый край и инвентарный номер на сколе. Подлинный древнегреческий скифос, мама родная...

Ему показалось, что он сходит с ума.

– Старая граппа, Иван Родионыч! Пейте, вам положено! – хором кричат студентки, окружив их с Железной Натой.

Вот уж нет, хватит, больше ни капли, говорит он себе и пьет до дна.

Происходит небольшое столкновение – танцующая пара врывается в него (кажется, это Живицкий со своей богиней), Нату куда-то уносит. В тот же момент в него впиваются огромные удивленные глаза и уже не отпускают, пока Трофимов не уединяется с их обладательницей где-то в темном коридоре... Девочка, на вид такая хрупкая и тоненькая, набрасывается на него, как изголодавшийся прапорщик, решительно вталкивает свой язык ему в гортань, а грудью прижимается так, что он чувствует каждый шов на ее бюстгальтере.

Но и тут ему не дают покоя.

Потный, красный как помидор профессор Вышеградский в обнимку с Рынкевичем влетают в коридор, лихо вскидывая ноги в канкане. Увидев Трофимова с девочкой, они почтительно застывают, восклицают хором: «О!» И увлакивают Трофимова в зал, ко всей честной компании...

А там горят фейерверки. С гулом вращается огненное колесо, разбрасывая вокруг искры. Стриженные под горшок музыканты в алых и желтых трико, в башмаках с длиннющими носами дуют в рожки и бьют в барабаны.

Пьяненькая Ирка отчаянно твистует в паре со златокудрым римским воином-преторианцем, увешанным наградными фалерами. На Иркиной голове, грозя вот-вот свалиться на пол, болтается его огромный стальной шлем с гребнем.

Восточного вида дамы в полупрозрачных шароварах водят хоровод вокруг неведомо как образовавшегося посреди столовой бассейна с фонтаном. В бассейне, хохоча и отплевываясь, как тюлени, плещутся стариканы из диссертационного Совета и пытаются стащить восточных дам в воду.

Визжат студентки, окружив кольцом двух воинов с выкрашенными синей краской лицами, рубящихся на коротких мечах.

Смуглый бородач в иудейской кипе и богато украшенном вышивкой хитоне самозабвенно топчется в медленном танце, обняв подругу профессора Живицкого... На него недобро смотрит пират с бородкой клинышком и шпагой с эфесом в дырочках на боку.

А в дальнем углу на возвышении стоит резное ложе, на котором с бокалом в руке возлежит Сергей Ильич Афористов. Он в белой тоге и с лавровым венком на голове, как древний римлянин на симпозиуме. Кстати, этим словом тогда называли не научную конференцию, как сейчас, а пиршество, попойку. Впрочем, и сегодня конференции заканчиваются именно этим!

– Что-то не пошла мне ваша граппа, – пожаловался ему Иван.

– Такое возможно, – согласился Афористов. – Восемьсот лет напитку, как-никак. Могла, знаете, набраться всякой дури за это время... Попробуйте лучше вот это.

– Я все равно ничего не понимаю! – Иван взял из рук профессора бокал, послушно отпил, не почувствовав вкуса. – Вы говорили про этих фидайнов...

Он запнулся, не в силах сформулировать мысль. Тупо уставился в зал столовой, где закручивался чудовищный галлюциногенный ураган. Средневековые музыканты выводили битловский «Hey, Jude». Появились какие-то новые люди в древних тогах и туниках, в кольчужных доспехах и ужатых по талии сюртуках. Кто-то пил, танцевал и смеялся, кто-то собирался

даться на дуэльных пистолетах. Огромная повариха показала в окошке раздаточной распаренное лицо, крикнула повелительно: «Посуду не бить, кому сказала!»

– Откуда все это, Сергей Ильич?.. Как?.. Почему? – наконец проговорил Трофимов.

Афористов невозмутимо пожал плечами.

– Ты же сам все видишь. Вот они все перед тобой... Эй, Иуда! – позвал он.

Бородач в кипе оглянулся в их сторону, что-то торопливо прошептал своей партнерше, и, приподнимая полы хитона, засеменил к Афористову.

– Тут есть люди, которые сомневаются, носил ли ты тот самый перстень, – бросил ему профессор.

– Но как же, Сергей Ильич! – с легким одесским акцентом воскликнул бородач. – Тому есть множество свидетелей! Это, простите, смешно: чтобы сам Иуда Искарriot не носил «иудин» перстень! Ха-ха! Вот, взгляните!

Он протянул левую руку, и Трофимов увидел, что у основания безымянного пальца отсутствует мясо и видна голая почерневшая кость.

– Простите, а как вы... – произнес Иван, но бородач уже умчался в объятия спутницы Живицкого.

– Ни стыда, ни совести, – сказал Афористов непонятно к чему, но с явным удовольствием.

– А потом был этот доблестный красавец-блондин... – Сергей Ильич громко хлопнул в ладоши. – Эй, Марк, хватит охмурять чужих жен!

Златокудрый преторианец тут же застыл на месте, развернулся к ним и энергично вскинул руку в римском приветствии.

– Зиги бросает, подлец, а? – Афористов расхохотался. – Смотри, Иван, чтобы супругу твою не уволили потом из Публички за порочащие связи!

Похоже, Ирку порочащие связи несколько не беспокоили. Она дернула преторианца за руку, что-то крикнула ему требовательным тоном. Бросив в сторону Афористова извиняющийся взгляд, златокудрый Марк продолжил твистовать.

– А после Марка был Кфир, лекарь иерусалимский... Кфир, ты где, душегуб?

Из раскачивающейся под музыку толпы показалась мощная волосатая рука, приветственно помахала им. Затем рука поднялась выше – оказалось, что никакого продолжения в виде туловища у нее нет и заканчивается она похожей на куцее крыло лопаткой. Рука взлетела, словно резвясь, под самый потолок и вдруг оказалась рядом с Трофимовым, легонько ткнув его растопыренной для рукопожатия ладонью.

– Поздоровайся, Иван, а то обидится... Сперва доведут людей, понимаешь, что те их четвертуют, а потом обижаются.

Трофимов пожал руку. Один из пальцев, он успел заметить, тоже торчал на голой кости, будто эскимо на палочке.

– А это Модус, сын Готрига Корнуоллского, со своим лучшим другом... Эй, вы, два кельтских болвана! Я к вам обращаюсь!

Синелицые воины тут же прекратили поединок, согнулись в почтительном поклоне. Иван только сейчас заметил, что у одного из них на плечах, словно мохнатые серые эполеты, сидят две огромные крысы (они невозмутимо перебрались на спину во время поклона и вернулись на место, когда воин выпрямился), а у другого на шее болтается веревочная петля.

– Запомни, Трофимов, эти рожи. Особенно ту, что слева. Когда-нибудь докопаешься и до них, если хорошо будешь стараться...

Воин с крысами вдруг сделал быстрое движение и воткнул свой меч в спину противника. Под испуганный визг студенток-болельщиц тот рухнул на пол, корчась в судорогах и поливая кровью цементный пол столовой. Афористов с ухмылкой покосился на онемевшего от ужаса Ивана.

– Ты бы лучше иногда за спину поглядывал, Иван Родионыч. Смерть, она такая, отвлечет какой-нибудь ерундой, а сама подкрадется незаметно, и – ком цу мир...

Трофимов обернулся и вскрикнул. Прямо перед ним застыла зловещая фигура в белом стеганом халате с замотанным куском ткани лицом. В руках у нее, словно два сверкающих пропеллера, вращались сабли.

– А ну, остынь, Фарид! – прикрикнул Сергей Ильич. – Этому товарищу еще докторскую диссертацию о тебе писать! Вряд ли он сможет это сделать, если ты изрубишь его в куски!

В узкой щели над тканью сверкнули глаза. Сабли тут же прекратили свое вращение. Фарид скрестил клинки на своей груди («...персидский шемшир, XII век, дамасская сталь», – автоматически отметил про себя Трофимов) и, чуть согнув колени, вдруг оттолкнулся от пола и нырнул спиной вперед, словно прыгун, выполняющий упражнение из задней стойки. Но вместо того, чтобы врезаться головой в пол, он пролетел сквозь него и исчез.

– Слава ибн Саббаху! – донесся откуда-то слабый удаляющийся голос.

А Иван вдруг обнаружил, что никакого пола-то и нет. Это только видимость, пелена тумана над бездонной пропастью. И они вместе с Афористовым висят над бездной, и даже сквозь подошвы ботинок он чувствует сырой пронизывающий холод, идущий снизу. Больше нет никого и ничего. Факультетская столовая со всей обстановкой и веселящимися гостями в одно мгновение обесцветилась, растаяла в полумраке, как причудливые завитки тумана под порывом ветра.

– Ну что, Иван, понравилось? – пророкотал рядом голос Афористова.

Ложке с резной спинкой, на котором он возлежал с самым невозмутимым видом, слегка покачивалось в воздухе. Деревянные ножки покрылись обильной росой, и капли время от времени срывались вниз.

– Увидеть их, живых... Услышать, как дышат, как говорят, а? Почувствовать тепло и запах их тел. Роскошная возможность для историка, я считаю...

– Да, – только и проговорил Иван. Его очень беспокоило чувство подвешенности. Волосы, мокрые от тумана, хоть выжимай, тем не менее стояли дыбом. Может, он висит вниз головой? Вестибулярный аппарат, потерявший ориентацию, посылал тревожные сигналы. Его тошнило.

– Ты делаешь очень важную работу. Все уже забыли и про перстень, и про то, что с ним связано. Сотни и тысячи эпизодов раскинуты во времени и в нем же затерялись. А ты собираешь их вместе и документируешь в статьях, монографиях, своей диссертации, наконец! Сейчас их интерпретируют убого, подстраивая под идеологию, но через несколько лет подходы изменятся, а твои труды останутся и приобретут совсем иное звучание. И оценку совсем другую!

– А кому это все нужно? – поинтересовался Иван, преодолевая тошноту.

– Кому, кому... Не понимаешь? – Афористов хищно улыбнулся, но видя, что понимание к Ивану не пришло, устало махнул рукой. – Да тебе самому в первую очередь. Скоро придет признание. Международные симпозиумы, премии, поездки... Ты в Сиднее, например, был?

Иван молча покрутил головой.

– Значит, будешь. Ну и деньги появятся. Квартиру четырехкомнатную на Арсенальной набережной получишь... Или тебе на Смольной?

В данный момент Ивану было все равно.

– Ну и бабы, естественно. Тут уж я не хочу перегибать палку, ты сам смотри. Ирка все-таки какая-никакая опора, залог стабильности, уюта. Для серьезного ученого это тоже важно. Завтрак там приготовить, суэта-беготня всякая. А ты сиди, исследуй...

Лицо Афористова надвинулось на него, приблизилось настолько, что сперва заслонило все, а потом распалось на мелкие фрагменты.

– Но главное, никаких правил. Главное – работа, перстень. Если от Ирки не будет толку, можешь вышвырнуть ее в окно, на здоровье. Хотя я обычно рекомендую синтетический тетродоксин...

Фрагменты. Это была бесконечная туча саранчи, которая, обтекая Ивана, летела куда-то с гулом, напоминающим человеческий голос, разложенный на атомы. У насекомых были по-босховски уродливые, страшные морды. Некоторые из них словно нарочно метили Ивану в лицо, заставляя его испуганно вскрикивать и закрывать глаза, но в самую последнюю секунду, видимо, изменяли курс, потому что он чувствовал на лбу и щеках только вибрирующие потоки воздуха от крыльев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.